

Невинный Пруденций (Лесков)

I

В первых веках христианства в одном из торговых поселков на берегу Средиземного моря жили два купца, которых звали Алкей и Гифас. Оба они ходили в море на одном небольшом корабле, который теперь назвали бы ладьею. Они вели торговлю вместе, а иногда также вместе нападали на небольшие суда и грабили их. Последнее свое занятие, то есть разбойничество, Алкей и Гифас скрывали, но оно было прибыльнее торговли. От такого двойного промысла оба купца сделались богаты и жили в достатке. У них были самые лучшие дома во всем поселении и при домах сады и теплые бани.

Гифас был старше Алкея и имел жену Ефросину, тоже уже пожилую женщину, и сына Пруденция, а Алкей был моложе Гифаса на десять лет и недавно женился на молодой и очень красивой, доброй и рассудительной девушке, которую звали Мелита.

Мелита приходилась племянницею жене Гифаса, Ефросине, и жила с нею в такой же дружбе, как Гифас с Алкеем, а сын Гифаса, миловидный отрок Пруденций, был любимцем обеих семей — своей собственной и семьи Алкея. Пруденций жил в обоих домах, как у себя, пользуясь заботами матери своей Ефросины и полезными внушениями Алкеевой жены, молодой и прекрасной гречанки Мелиты.

Когда Алкей и Гифас по условиям своего промысла ходили надолго в море, — жены их, пожилая Ефросина и молодая Мелита, хозяйничали дома и проводили вместе все свободное время, какое им оставалось от их ручного труда и необходимых забот по хозяйству.

Ефросина была очень домовитая женщина, старого языческого воспитания, и заботилась только об одном житейском: она не умела грамоте, но зато лучше Мелиты заготавливала копченое мясо, фрукты и рыбы; а Мелита пришла сюда из города, где занималась науками и нежными работами, требующими искусства и вкуса для их производства. Поэтому Ефросине не раз приходилось подавать Мелите полезные советы и оказывать помощь в хозяйстве, а благородная Мелита, в благодарность за это, старалась оказывать взаимные услуги Ефросине. Она вышивала головные покровы для самой Ефросины и делала узорочные коймы к легким, эфирным туникам, в которые Ефросина

любила одевать свое единственное и долгожданное дитя, отрока Пруденция, отличавшегося замечательною стройностью и красотой.

Пруденций был статен и смугл, с горячим матовым цветом лица, с большими черными глазами, глядевшими из-под черных ресниц, при черных бровях и густых кудрях цвета ореха.

Он был очень нежен и ловок в движениях, застенчив, страстен и скромн, — и чрез это он каждому казался приятным и милым.

Самое лучшее, чем Мелита могла заслужить Ефросине, это было обучить Пруденция грамоте и тем из известных Мелите искусств, которые шли к полу мальчика по условиям тогдашнего быта.

II

Мелита научила Пруденция читать и писать, петь и играть на цевнице, шибко бегать и бросать в цель металлические кружки и кольца.

Так как Гифас и Алкей прожили век в своем полудиком, не столько торговом, сколько разбойничьем поселке, то они не знали никаких подобных изящных упражнений и развили свои силы прямо в суровой борьбе с морем, но Ефросине нравилось, чтобы Пруденций был воспитан нежнее и ближе к тогдашней моде.

В упражнениях Пруденция в силе и ловкости с ним состязалась сама его учительница, прекрасная Мелита, и ее молодая черная рабыня-финикиянка Марема, которую тоже звали короче Мармэ.

Когда Мелита начала заниматься воспитанием Пруденция, ему тогда исполнилось всего двенадцать лет, но он был так крупн и строен, что походил уже на мальчика лет пятнадцати; а Мелита, которой шел в это время семнадцатый год, была столь моложава, что ее можно было принять за пятнадцатилетнюю невесту. Довольная и в то же время воздержная жизнь и умеренность во всех наслаждениях, при свободе от болезней деторождения, так сберегли прекрасное тело юной Мелиты, что при встрече с нею всякий незнакомец легче всего почел бы ее за юную девушку, а не за молодую жену пожилого человека, каков был ее муж, косой и в обхождении грубый Алкей.

Так же девственно чист, и беспечен, и весел был ее живой, острый ум, живший в ладу с добрым сердцем и прекрасным, твердым и ровным характером.

Научая Пруденция бегать по правилам бега, легкая Мелита сама становилась с ним рядом на мету и бежала, нередко обгоняя его и приходя первой на противоположную мету, где становилась, оборачиваясь к нему лицом и собирая тонкими пальцами черные кудри, рассыпавшиеся по белому лбу, орошенному потом.

Так же вместе они метали и диски и кольца, а судьей их была темнолицая рабыня Мармэ, которую Мелита содержала не как служанку, в подобострастье, а как подругу — в любви, и сама находила ее приятной по душевным качествам и прекрасной по телу, отличавшемуся гармоничною стройностью и ровным агатовым блеском.

Так занималась Мелита Пруденцием целых два года, а в конце третьего года в среде этих людей случилось несчастье.

III

После нескольких бурных дней, проведенных Алкеем и Гифасом в море, — Алкей возвратился один на своей ладье.

Это было вечером, когда все жители в селении спали. Алкей вошел в свой дом, двери которого ему открыла Марема и испугалась, заметив на лице своего господина страшное выражение. Алкей тотчас же приказал служанке удалиться, а сам вошел к жене и открыл ей, что Гифас погиб в море.

Эта новость поразила и в то же время удивила Мелиту, которая имела некоторые понятия об условиях морского быта, и она стала расспрашивать мужа: как могло случиться, что судно сохранилось в целости и сам Алкей сохранил себя в безопасности, а Гифас погиб!

— Это было так, — отвечал Алкей, — что на нас напали две ладьи грабителей, и мы долго от них оборонялись, но я бил сильнее и мог защищаться, а Гифас не успел уклониться от одного удара в голову и упал в воду с раздробленным черепом.

— А как же ты мог спастись?

— Я увидел, что мне одному уже нельзя защищаться, и бросился в воду, чтобы меня тоже почли убитым. В воде я схватился руками за киль и держался до тех пор, пока грабители, опустошив нашу лодку, кинули ее на произвол ветра. Тогда я снова вскарабкался в лодку, поставил порванные паруса и, взяв руль, достиг кое-как до нашего берега.

Мелита выслушала рассказ мужа и ничего ему более не возражала, но Алкей заметил по лицу жены, что она как будто сомневается в его рассказе, и, отведя свои глаза от ее взора, добавил:

— Я не могу теперь говорить тебе в подробностях, как все это случилось, да ты и не могла бы всего понять, потому что это совсем не то, — что твоя музыка или твои вышиванья, а я тебя попрошу лучше, чтобы ты оказала мне необходимую помощь: облегчи мне чрезвычайно тяжелое дело.

— О, сделай милость: я готова сделать все, что в силах, — отвечала Мелита.

Тогда Алкей ей открылся, что он, человек неустрашимый в борьбе с морем и разбойниками, очень боится видеть женское горе и слушать стенания и вопли, и для того он просит Мелиту, чтобы она пошла к Ефросине и открыла ей ужасную новость о смерти ее мужа и о гибели значительной доли их состояния, бывшего в лодке.

Мелита сказала, что она это сделает, и поручивши Мармэ позаботиться о том, чтобы вытопить баню для мужа, сама оделась и пошла тихо к вдове Ефросине.

Вдова Ефросина, — получив от Мелиты печальную весть о смерти Гифаса, предалась обычному плачу и стенаньям, а потом надела одежды вдовства и, покрыв голову платом с неподрубленным краем, сказала Мелите:

— Теперь я не могу спать во всю ночь, и, обнявшись с сыном, мы до утра будем плакать с ним о Гифасе; а утром рано я пошлю Пруденция обойти все наше селение и позвать всех на берег моря на то самое место, с которого муж мой Гифас в последний раз отплыл вместе с Алкеем. Ты же Алкею скажи, чтобы он в тот же час пришел на то место и всем рассказал, как все это случилось, что муж мой погиб, а Алкей один живым возвратился. Я теперь в таком огорчении, что ничего сама понять не могу, и не в силах придумать, что мне делать с судном, в котором есть половинная доля Гифаса и только другая половина принадлежит Алкею. Пусть весь народ из селения оберется, пусть все люди услышат печальную повесть, как ее Алкей нам расскажет, и затем пускай люди обсудят, как нам жить дальше или как нам удобнее рассчитаться и разделить с Алкеем.

Мелита нашла желание вдовы Ефросины совершенно основательным и, возвратившись домой, известила об этом Алкея. Он принял это спокойно, как человек, у которого совесть чиста и которому нечего опасаться рассказать перед всеми о том, что случилось.

Он поблагодарил жену за то, что она приняла на себя тяжесть объявления горя вдове Ефросине, и уснул крепким сном в объятиях Мелиты. Но его

крепкий сон, однако, не раз прерывался какой-то тревогой, и дремотный голос Алкея прямо на ухо Мелите называл имя Пруденция.

IV

Люди селения собрались у пристани и сели одни на желтом песке, а другие на серых камнях, а вдову Ефросину посадили на опрокинутую лодку, и тут же у ног ее сел красивый сын ее, невинный Пруденций. И мать и сын были босы и в печальных одеждах с неподрубленным краем. Посредине круга, который образовали собою люди, усевшиеся перед опрокинутой лодкой, на которой поместили Ефросину, стоял Алкей и рассказывал, как было дело, что напали на них в море неизвестные люди и одолели их и товар их заграбили, а Гифаса убили и бросили в море.

Словом, Алкей сказал людям то же самое, что раньше сказал он жене, и рассказ его на всех произвел такое же неясное впечатление, как на Мелиту. И когда речь Алкея была кончена, все мужчины остались на время в молчании, а потом один из них, самый старейший в селении, молвил:

— Я бы так рассудил, что в море бывают всякие беды, и что случилось с Гифасом, того уж теперь не поправить, а надобно думать о вдове Ефросине и об отроке, сыне Гифаса, которые остались в живых и которых здесь видим все перед собою, босых и в печальных одеждах с неподрубленным краем. Пусть, находясь нынче в царстве теней, Гифас не будет смущаться за то, что здесь будет с ними и с их достоянием, которого нам нельзя разделить безобидно между Алкеем и сыном Гифаса. Пусть все, что у них вместе было там, и останется общим, пока отрок Пруденций достигнет возраста мужа, и тогда они сами разделятся с Алкеем, а до тех пор пусть все по-старому останется вместе, и кораблей и товары, где они что поместили на время на пристанях дальних.

В людях прокатило рокотом тихим:

— Да, это самое лучшее. Все так согласны, и пусть так и будет, ежели только вдова Ефросина на это согласна.

Вдова сидела с поникшей головою и отвечала:

— Я горем убита и полагаюсь на общее мнение. Тогда все решили, что Алкей должен взять к себе в дело Пруденция и обучить его торговле и всей морской жизни, а когда Пруденций придет в возраст, тогда с ним разделить все, что нажито вместе с Гифасом и что вперед им придется еще к нажитому прибавить.

Против этого только вдова Ефросина заметила, что сын ее еще очень молод, чтобы вверять его морю и обрекать на все случайности; но Пруденций едва это услышал, как сам стал проситься, чтобы мать его отпустила с Алкеем, и вдова Ефросина, согласилась его отпустить, а Алкей не имел никаких оснований для того, чтобы уклониться от приема Пруденция, подал ему руку и сказал:

— Клянуся богами, я рад, что люди решили, чтобы ты стал мне товарищем вместо своего отца. А тебе, госпожа Ефросина, я здесь обещаю пред всеми людьми и пред небом, что я всегда буду помнить, как тебе дорог твой единственный сын, и стану жалеть и беречь его юные силы. Ты же не бойся: и море не всегда ведь сурово — оно часто даже хранит от зол человека, особенно юность, в пору которой скоро вступит Пруденций; воздух и море дадут ему крепость мышц и смелость духа, и, что не меньше того драгоценно, — они сохранят его целым от ранних соблазнов любви, расслабляющих тело и душу. А затем он увидит много иноземных чудес, искусится в познание людей, усвоит себе познания в торговле, и тебе будет отрадно видеть, как через него в дом твой снова польются достатки, и когда он в свободное время присядет у твоего очага, ты сама, поворачивая над углями вертел с дымящимся мясом, насладишься тем, как будут все Пруденция слушать.

V

Ефросина более не возражала, и Пруденций ушел в море с Алкеем, и с этой поры мореходство стало для него постоянным занятием, в котором он в самом деле скоро окреп, так что в пятнадцать лет был похож на семнадцатилетнего юношу, а в семнадцать совсем смотрел взрослым мужчиной, и был он красив на удивление и при этом стыдлив и совсем целомудрен.

Алкею не было выгоды выхаживать Пруденция, и он втайне очень бы рад был от него избавиться, чтобы скрыть все свои пути и места, где у него были в чужих портах склады, но он не хотел, чтобы Пруденций исчез так же, как исчезнул Гифас, потому что одинакие случаи два раза кряду могли повести к подозрению, и суд простых рыбаков родного поселка мог быть слишком суров для Алкея, но Алкей сделал все, что только мог, чтобы растлить душу Пруденция, и когда они заходили в чужие порты, Алкей его поощрял пить вино и оставлял в сообществе соблазнительных женщин, которым обещал хорошую цену за то, чтобы отогнать от Пруденция скромность и увлечь его в порочную страстность. Но все это было напрасно: какой-то хранительный гений до того неприкосновенно охранял юношу от всех соблазнов и поползновений, свойственных его возрасту, что сами соблазнительницы, которым Алкей предавал целомудренного юношу, дали ему название «Невинный Пруденций».

Но отчего же он, при всей своей юности и красоте, поражавшей множество женщин, был так недоступен никаким их соблазнам?

Женская влюбленность в Пруденция доходила до таких безумных проявлений, что раз, когда ему и Алкею случилось пристать на мысе у города Книда, самая красивая девушка этого городка кинула в Пруденция из-за скалы острым бронзовым осколком и, не попав в голову, так тяжело ранила его в плечо, что он упал, обливаясь кровью, а она в это же время бросилась в море.

Рана, нанесенная безумною книдянкою, была очень тяжела и так долго не заживала, что Алкей привез Пруденция к вдове Ефросине больного, в перевязках, и случай этот, огласившись в целом поселке, восстановил в памяти многих случаи с Гифасом и дал повод нехорошо говорить об Алкее.

Разговоры в таком роде распространялись быстро и прежде всех дошли до слуха темнолицей невольницы Мармэ, которая, как сказано выше, была молодая и в своем роде тоже очень красивая девушка и очень любила Мелиту.

— Госпожа! — сказала она, находясь вдвоем вечером в бане с Мелитой. — В народе разносят очень странные речи; мой долг предупредить тебя о том, что в этих речах, кроме сына вдовы Ефросины, много такого, что касается тоже тебя и твоего мужа, а моего господина, Алкея.

— Что же это такое?

— Вот что: все знают, что красивый Пруденций пришел уже в самый расцвет своей красоты и здоровья, а меж тем он до сих пор остается невинней ребенка...

— Да, быть может это и так, но ведь это меня нимало не касается, и я думаю, мне об этом совсем лишнее знать...

— О нет, это не лишнее для тебя, госпожа!

— А я могу тебя уверить, усердная Марема, что это до меня совершенно не касается и даже нимало меня не занимает.

— Это тебя должно занимать!

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь?

— Не понимаю, и откровенно скажу, это мне совсем неприятно... Для чего мне знать эти вести о том, как себя держит Пруденций? Для чего все вы стараетесь сделать мне все это известным?

— Кто же все, госпожа?

— Например, вдова Ефросина.

— Ага! это понятно. А еще кто, госпожа, говорил с тобой об образе жизни стыдливого сына Гифаса?

— Представь, мне говорил это муж мой Алкей.

— Сам Алкей?

— Да.

— Он тоже имеет причины.

— Он мне их не сказал.

— И это понятно.

— А мне ничто не понятно, — отвечала Мелита и тотчас же добавила с доброй улыбкой: — а если Мармэ известно более, чем ее госпоже, то это потому, что тут, верно, есть что-нибудь, что касается больше Мармэ, чем Мелиты.

— О, совсем наоборот, — так же с улыбкой отвечала Марема, — не я, а ты, моя госпожа, живешь в целомудренном сердце невинного Пруденция.

— Что говоришь ты!.. Опомнись, что ты сказала, Марема!

— Я сказала только то, что для меня очевидно и что как раз так и есть, как я сказала. И поверь мне, госпожа, что это не мне одной кажется так.

— Кто же еще смеет так думать?

— Смеет!.. Ты смешно говоришь: для чего тут особая смелость? Всякий, даже против желания, должен подумать о том, что перед ним является с такой же очевидностью, как страстная влюбленность в тебя невинного Пруденция.

— Ты клеветешь разом на всех нас, Мармэ, и я бы хотела, чтобы ты выпустила это из своей головы и никогда более к подобному разговору не возвращалась.

— Запретить говорить мне ты можешь, и я буду тебе повиноваться, но «выпустить из головы»... Нет, ты требуешь невозможного дела!.. И притом, если я буду молчать, я не открою тебе всего, что угрожает...

— Кому?

— Кому? Станный вопрос! Всем, кто тебе дорог:

Алкею, Мелите, вдове Ефросине и самому невинному Пруденцию, который не может жить долго без перелома в душе его, если не произойдет отвлечения его мыслей куда-нибудь вдаль от всего, что слилось для него в одном сладостном звуке твоего имени. О госпожа! Или ты в самом деле дитя, несмотря на довольно долгие годы замужества с Алкеем, или же ты самая большая и искусная притворщица в свете!.. Разве не видишь ты, как он глядит на тебя, так, что всякому видно, что он постоянно весь полон тобою...

— Я этого не вижу.

— Ты не видишь, но вижу я, и видит мать его, вдова Ефросина, у которой он спит, положив голову ей на колени, а уста его в тихом бреду произносят шепотом сладчайшее слово: «Мелита»... Вдова Ефросина тоже ведь женщина, и она не может не догадаться, что это значит... Я думаю, что если бы твой муж, засыпая у тебя на коленях, стал тихо шептать имя посторонней женщины, то хотя бы это имя значило не более, чем имя Маремы, — ты бы догадалась, что господин мой зовет меня не для таких услуг, которые я обязана исполнить ему все при твоём лицемерье.

— Право, я никогда об этом не думаю.

— Верю! И зачем бы ты стала думать, когда твое сердце нимало не уязвлено страстью...

— Что ты хочешь сказать? — перебила Мелита, — или, по-твоему, я не люблю своего мужа?

— Нет; ты любишь Алкея, как мужа, и на мужнину долю этого чувства довольно; но Алкей ведь недаром имеет такие глаза, которые могут сразу в разные стороны видеть... Зачем он тебе рассказал про стыдливость этого юноши, который пламенеет к тебе первую страстью?.. О, я не была при том, как вы об этом говорили, но я будто слышу вкрадчивый тон Алкеева голоса; я знаю наверно, как он с шуткой мешал яд своих подозрений...

— Алкей это все рассказал мне в самом деле смеясь.

— И ты приняла его смех за веселость!.. Ты верила ему, что он шутит?!

— Почему же не верить?

— О, это забавно! Однако это сохранило тебя от большей опасности; но она все-таки придет: я вижу мрачный огонь в разлете скошенных зрачков твоего мужа, и не как твоя рабыня, а как друг твой, у которого все благополучия сопряжены с твоею жизнью, — я заклинаю тебя, Мелита:ними повязку с

твоих прекрасных глаз — взглядишь в то, что произошло, с отвагой женщины, понимающей опасность, и обдумаем, что нам делать, чтобы не произошло бедствия.

— В каком роде беды ты ожидаешь, Марема?

— В том самом роде, в каком кончилось дело жизни Гифаса.

— О, справедливое Небо! Неужто и ты, Мармэ, подозреваешь...

— Что ты, что ты, моя госпожа! Я столько же склонна что-нибудь подозревать, сколько желаю быть продана от тебя в каменоломни на скалы, но я тебе указываю в ту сторону, где небо краснеет и откуда слышится приближение бури... Будь осторожна... не выдай себя Алкею ни звуком, ни взглядом.

— Да мне нечего и скрывать... Я учила Пруденция — правда, по дружбе моей к вдове Ефросине, и ласкала его тогда как ребенка, но я не сказала ему шепотом ни одного слова, никогда я не обвела его взором нежнее, чем должна смотреть дружба, и я уверена, что если вдова Ефросина спросит Пруденция, то и он ей не скажет, чтобы я была виновата в тех чувствах, о которых ты мне теперь рассказала... Я же при встрече скажу ему, чтобы он перестал обо мне думать, что это тяжело мне... обидно... и... если только все правда, что ты говорила, то он будет напрасно тратить свои лучшие годы...

— Отчего?

— Как отчего?

— Ты разве не женщина?

— Да, я женщина... но что же следует дальше?

Марема улыбнулась и сквозь улыбку сказала:

— Мы все чутки сердцем... а ты так сострадательна...

— Ну, и мне его жалко!

Марема махнула рукою и ответила скоро:

— Ах, госпожа моя! — только и нужно: сожаленье к мужчине нас отдает в его руки!

VI

Мелита не сразу ответила на последние слова Маремы: она, вероятно, чувствовала, что в них есть доля правды, но потом она привела свои чувства в порядок и сказала:

— Опасного много на свете: может быть, что и сожаленье ведет нас к дурному; но я не боюсь этого.

— Что же, ты разве зачарована? Теперь улыбнулась Мелита и ответила:

— Да!

— Какие же чары тебя защищают?

— Я христианка... я неспособна к обманам и знаю, что нет и не может быть счастья во лжи.

— Конечно, конечно!.. Ну, а если бы боги Аида призвали к себе моего господина...

— Что ты опять говоришь мне, Мармэ! В каком ты бесстыдном теперь настроении!

— Нет, ты скажи: в каком настроении ты чувствовала бы себя, оставшись свободною, молодою вдовою... когда нежная страсть такого красавца юноши, как Пруденций, не казалась бы тебе тем, чем кажется нынче? Ах, я уверена, что вы с ним скоро пришли бы сжечь жертву ваших сердец у алтаря Гименея.

— Никогда!

— Почему, моя госпожа?

— Во-первых, потому, что я христианка.

— Я очень плохо понимаю различия в верах! Для меня все религии сходны в одном: все мешают любить столько, сколько б хотелось!

Но эти слова привели Мелиту в такое сильное расстройство, что она стала еще больше укорять Мармэ за вольности в ее рассуждениях.

— Ты говоришь мне про приязнь, которую ты ко мне будто чувствуешь, — сказала Мелита, — а высказываешь такие мысли, которые пристали бы разве коварной смутьянке, желающей сбить замужнюю женщину с пути ее долга. Но этого, я надеюсь, со мной никогда не случится: от этого меня сохранит именно то святое учение, в постижении которого я стараюсь найти смысл жизни. Не улыбайся, Мармэ. Христианское учение открывает человеку, в чем смысл жизни, и научает его управлять своими страстями. Ты не раз говорила

мне, что я облегчила тебе твою долю тем, что обращаюсь с тобою не как с рабыней, а как с равной мне женщиной; а ведь это произошло оттого, что наш учитель велел нам в каждом человеке видеть нашего брата, и потому мне отраднo и сладко называть тебя моею «сестрою» и устроить тебе покой и довольство. Но дальше согласие наше идти не может, потому что ты считаешь себя вправе брать у жизни все, что только возможно схватить, а я рассуждаю иначе.

— О, конечно, схватить все, что можно! — перебила Мармэ. — Для чего упускать свое счастье?

— Счастье!.. Это неясное слово, Марема. Кто может сказать: в чем счастье?.. Для тебя это, быть может, достижение того, что тебе сейчас нравится, а для... другой...

— Ты хочешь сказать, для христианки?

— Может быть, да. Для нее лучшая радость — вовсе не в том, чтобы вырвать у жизни сейчас все, что возможно, а в том, чтобы идти в тишине к тому, что может создать общую радость.

Мармэ засмеялась и, отмахиваясь ладонями, молвила:

— Эге-ге! Это все старые песни! Ты оттого так рассуждаешь, что ты слишком спокойно любишь мужа и не имеешь от него детей. Когда бы Алкей был способен внушить тебе более жаркие чувства или бы ты имела детей, то поверь, что ты бы на все посмотрела иначе и стала желать своего, а не общего счастья.

И Мармэ живо рассказала Мелите: как живительно действует счастье быть любимым тем, кого любишь, и как естественно заботиться о своих детях. Она представила эту заботу такой жаркой, с которою совсем невозможно сравнить ровного участия всеобщей любви безразлично ко всем людям целого мира. Но Мелита стояла на своем и снова ей возразила, что сна не имеет нужды в особенных чувствах к людям, родным ей только по крови, и что для нее гораздо желательнее иметь благоволение ко всем людям, как это внушено в учении, сделавшем ее христианкою. Тогда Мармэ пожала с улыбкой своими смуглыми плечами и сказала:

— Спор наш, я вижу, ни к чему не приведет. Оставим все это времени, а теперь покуда помни лишь то, что я тебе сообщала; муж твой ревнует тебя к сыну вдовы Ефросины, и ты должна это знать и отстранить с пути своего все, что может усилить тревогу.

— «Усилить тревогу!» Тревога ни из-за чего!.. Тревога, в которой я ничем не виновата, но которой тем не менее должна я бояться!.. И вот это-то все вы называете жизнью! Нет, жизнь совершенно в ином, и я не перестану искать ее, где надо.

— Ищи! — отвечала, кончая беседу, Мармэ, — но еще лучше будь готова встретить то, что она может бросить тебе на твой путь совсем неожиданного.

— Пускай будет так. Я терпеливо выслушала все, что ты мне сказала от доброго сердца, и теперь я строже стану настороже у моих чувств.

VII

Эта беседа с Мармэ глубоко врезалась в сердце Мелиты и заставила ее передумать о вещах, на которых она до сих пор не останавливалась. По живости своего молодого темперамента и чистоте своих помыслов она никак не могла допустить, чтобы Пруденций, который был моложе ее на пять лет и с которым она всегда обходилась как с милым ребенком, незаметно для нее загорелся к ней такою неукротимой страстной любовью, для которой в их положении не могло быть никакого исхода. И вот теперь ей говорят, что это, однако, свершилось... До сих пор Мелита этого не замечала, но теперь, после указаний Мармэ, она сама стала припоминать глубокие вздохи невинного Пруденция и его долгие взгляды, которые он устремлял на нее, забывая обо всем окружающем, причем иногда не слышал, как его зовет мать или кличут другие.

Против воли своей Мелита начала верить, что она имела несчастье внушить страсть юноше и что если это не пройдет, то возможно, что Пруденций совсем не захочет жениться, и тогда дом его матери останется пуст и вдова Ефросина станет укорять Мелиту в увлечении сына — в чем она несколько не виновата.

И в самом деле, вдова Ефросина уже начала глядеть на Мелиту не прежними глазами, и когда, после рассказанной выше беседы, Алкей и Пруденций отправились надолго в море, — вдова Ефросина не стала более скрывать своего недовольствия на Мелиту и однажды сказала ей:

— Ты, однако, иссушила сердце моего ребенка.

— Боже! — отвечала Мелита, — неужто ты, Ефросина, склонна верить, что мне доставило бы удовольствие путать смысл твоего сына!

— Я не верю ничьим словам, но я сама вижу его терзания и сама за него терзаюсь.

— Но что я могу сделать для того, чтобы не было этих терзаний?

Ефросина покачала головою и, наморщив лоб, проговорила:

— Да; я знаю, ты ничего не можешь сделать в его пользу, но... но я все-таки страдаю, Мелита, и мне тяжело тебя видеть.

С этим вдова Ефросина ушла, а Мелита возвратилась к себе, раздосадованная на роковое стечение обстоятельств, и не находила в себе никакой вины: она не увлекала Пруденция в сети своей красоты. Она проверяла также свои собственные чувства к юноше и вполне убедилась, что Пруденций не составляет для нее никакой исключительности, — что он ей мил и жалок не более, как многие другие, для которых она готова бы сделать всякую посильную услугу и радостью которых могла бы радоваться. Но ни для кого в свете не хочет она нарушить верности мужу. Нельзя же этим служить для утешения вдовы Ефросины!

И при таких рассуждениях Мелите постоянно представлялось, что в жизни, — чтобы прожить так, как должно, — надо иметь со многими людьми нелады и борьбу, а при таком положении нет ни покоя, ни счастья. Стоит ли вводить себя в такую борьбу для того, чтобы захватить чего-нибудь приятного немножко побольше, чем есть у других. Все это ведь на очень короткое время быстро минующей жизни. Нет, это не стоит. Без сравнения лучше жить, борясь с собою, — надо себя исправлять, освобождая себя от таких страстей, которые влекут к разладу с милосердием и человеколюбием... Мелита стала вспоминать одну из подруг своего детства, белокурую Эрминию, которая была всех изящнее и красивее среди сверстниц, а выбрала себе самую суровую долю: она так настроила свой дух дошедшим до них «галилейским учением», что заботы о своем личном счастье показались ей совсем не достойными никакого труда, и она отказалась от замужества и пошла служить больным в одной общине в Лиде.

Нравственный облик этой Эрминии и серьезный путь ею для себя избранной жизни теперь беспрестанно приходили на мысли печальной Мелите и мирили ее с жизнью. Она соображала тот и другой путь, которым возможно идти, и находила, что на всех этих путях нужно вести битвы за все и со всеми и что спокоен и тих тот только путь, на который люди не лезут толпою и где никого не надо ронять с ног, чтобы самому завладеть чьей-нибудь долей так называемых радостей жизни... Это он-то и есть путь «галилейского пророка» и путь тех, кто верит в истинность его учения... Вот что Мелита и предпочла бы всему, что имеет. Это путь отречения от личных радостей — путь жизни, преданной благу других...

И когда Мелита, обойдя мысленно все, что ей представлялось в жизни, доходила опять до того, что избрала вспоминаемая ею подруга, она всегда чувствовала в себе наитие мира и покоя, — она ничего не боялась, и смотрела смело вперед, и верила, что в этом одном настроении человек ближе всего к истинной цели своего воплощения.

Если бы какие-нибудь перемены в жизни Мелиты были возможны и если бы они зависели от ее выбора, то она бы всему предпочла не быстро преходящую любовь с избранником сердца, а она сейчас бы встала и пошла бы искать свою подругу Эрминию и стала бы с нею делить ее служение немощным старикам и покинутым детям в той же Лиде или в другой местности мира, где люди также все бьются друг с другом из-за личного счастья и оставляют без внимания тех, которые ослабели и искалечились а этой ужасной борьбе.

Где бы было возможно принести себя в такую жертву, чтобы облегчить людское горе и положить начало новому направлению жизни, Мелита сейчас же бы встала и ушла туда... И тогда с ней неразлучно была бы та совершенная радость, которую она и теперь уже ощущала, но которой в нынешнем ее положении мешала неодолимая боязнь, что вдруг подвернется такой или другой случай, и удалит ее от избранного верного настроения, и начнет переполнять душу ее тревогою, страхом и подозрениями...

О, эти подозрения! Мелита знала им цену: когда еще жив был Гифас, ей мимо воли случилось услышать один разговор их с Алкеем об островке, где у них есть им одним только известная пещера и в ней хранятся их сокровища и их преступные тайны... С этих пор Мелита всегда подозревала, что они не только товарищи по торговле, но что они оба — грабители и убийцы... И это сделалось источником вечного страха и терзаний Мелиты, — она с этих пор подозревала, что и все другие люди в поселке думают о Гифасе и о ее муже Алкее как о разбойниках, а смерть Гифаса и общий приговор взять в дело Пруденция еще более утвердили Мелиту в подозрении, что всем уже известен преступный род жизни Алкея и что все к этому так равнодушны только потому, что и сами они в нравственной жизни недалеко отошли от Алкея с Гифасом... И теперь, конечно, этим же недостойным путем будет проходить свою жизнь невинный Пруденций... Ведь Алкей, конечно, ведет себя и при нем так же, как вел при Гифасе, и Пруденций, без сомнения, знает уже, что у них где-то в группе прибрежных скал есть островок с пещерой... и там какие-то сокровища и еще что-то, о чем Мелита сама не имела точных понятий... Она никогда не спрашивала об этой тайне мужа и не говорила о своих догадках Мареме, потому что Мелите стыдно было признаться, что сна подозревает своего мужа в разбойничестве, а Марема... Ах, Марема, несмотря на свою преданность

Мелите, сама гораздо больше близка душою к тем, чьи поступки и страсти так ужасают Мелиту...

И оттого еще ужаснее горе Мелиты, что ей не с кем облегчить свою душу, которая вдруг начала тяжело томиться — точно она будто чуяла вблизи предстоящее новое горе. Все это надобно было скрывать, и Мелита скрывала. Чтобы думать в тиши или плакать, не боясь пустых замечаний о том, что «стыдно грустить», Мелита начала часто уходить на обрывистый берег моря и подолгу сидела там, охватив руками колени и глядя в бесконечную даль, откуда она точно вызывала на сцену действия последнее искушение, которое и не умедлило своим приходом.

VIII

Раз, когда Мелита сидела над облюбованным ею обрывом морского берега, из-за столпившихся вдалеке темных скал показалась лодка, с которой были убраны все паруса, кроме одного старого, на котором она едва подвигалась. Вместо флажка наверху мачты был надет головной колпак из черного войлока.

Если бы Мелита не была слишком сильно погружена в свои размышления, уводившие ее к желанию резкого перелома в своей жизни, то она бы непременно заметила эту лодку, и по ее печальной оснастке она поняла бы, что на этом судне случилось какое-то большое несчастье. Но Мелита видела лодку, и ее грязный парус, и войлочный черный колпак наверху ее мачты, и всему этому не придала никакого значения.

Она должна бы заметить и то, что лодка, бывшая, конечно, в далеком плавании, входила в пристань в необычное время и держала курс свой не прямо к поселку, а нарочно проходила между скалами и пристала у одной из них, завязав канат у торчащего рогом обломка утеса.

С лодки сошел кто-то, покрытый коричневым полотном, и, ничего не взяв с судна, скрылся где-то под берегом, а потом, через час или несколько больше, опять возвратился к лодке вдвоем с закутанной женщиной, которая едва лишь ступила на лодку, как страшно вскрикнула и, отпихнув от себя сопровождавшего ее мужчину, упала в море, но сейчас же выплыла на берег и убежала.

Это Мелита уже заметила, потому что женский крик был слишком громок и страшен, но она тотчас же потеряла из вида эту фигуру и зато тем более была поражена, когда через малое время эта же самая фигура, в том же мокром

платье, но в лице Маремы, подбежала к Мелите и, упав перед ней с сжатыми руками, завопила сквозь слезы:

— О моя бедная госпожа! Прокляни и продай меня, как злую вестницу, в жестокие руки! я достойна этого за то горе, какое мне суждено тебе возвестить.

При первых же словах Маремы сердце Мелиты переполнилось предчувствием жесточайшего несчастья, и она ей сказала:

— Умоляю тебя, говори и мне скорей, что случилось, и не бойся моего гнева — моя вера не дает места гневу.

— О да, — отвечала Марема, — теперь тебе наступил час показать твоей бедной и темной рабе, сколько света и силы может дать человеку твоя вера!

— Я постараюсь, чтобы ты не получила о ней через меня дурного понятия; говори, что должна я узнать!

— Твой муж... вон, видишь, там, у скалы... это лодка его... моего господина Алкея, и... в ней на дне, около мачты, на вершине которой поднят черный колпак, лежит, покрытое парусом... бездыханное тело.

— Пруденция! — воскликнула громко Мелита и сейчас же заломила над головою руки и стала повторять сквозь рыдания: — Бедное дитя! Неужели Алкей убил его в ревности! О, злополучный невинный Пруденций!

Но Марема, дав несколько времени проплакать Мелите и как бы освоиться с горем, взяла ее тихо за руки и, переводя их к своему сердцу, сказала:

— Нет, Мелита! Ты напрасно плачешь о юноше, ты должна оборотить к себе горе другой стороною: погиб не Пруденций, а тот, чья смерть тебя оставляет вдовою.

Мелита вдруг воздержала свои слезы и остановила сухой, огненный взгляд на Мареме:

— Умер муж мой, Алкей?!

— Да, госпожа.

— И там, внизу, у скалы его тело?

— Да, оно в лодке... тело Алкея... Я его видела и прокляла рок, судивший мне возвестить тебе это несчастье.

— Оставь говорить о проклятиях и веди меня скорей к лодке!

Марема положила себе на плечо руку Мелиты, и обе женщины пошли спешной походкою к морю и скоро стали у лодки, на которой не было никакого груза, а только у основания мачты лежал небрежно брошенный парус.

— Вот это здесь, — тихо сказала Марема и затем с участием спросила: — Если ты можешь видеть и прикажешь открыть...

Но Мелита, вместо ответа, сама нагнулась и едва приподняла угол серого полотна с синей каймою, как увидела мертвое лицо Алкея с выдавшимися косыми глазами и тремя страшными колотыми ранами в черепе... Раны были посреди темени, все три кругловатые, каждая величиною с вишню, и все рядом одна от другой на расстоянии пальца... Их не нужно было ощупывать, чтобы сказать, что все они равномерно глубоки и все три смертельны.

Мелита склонилась к голове мужа и долго смотрела в его глаза, а потом, когда подняла лицо свое, увидела, что прямо перед нею, по другую сторону паруса, стоял в печальном платье и с печальным лицом невинный Пруденций.

Увидя его открытое лицо, хранившее до сих пор на себе следы целомудрия и духовной чистоты, Мелита вздохнула и тихо промолвила:

— Ты знаешь, конечно, что о тебе скажут люди, когда увидят несчастное тело Алкея?

— Да, знаю, — ответил Пруденций, — люди скажут, что это я нанес смертельные раны Алкею.

— И что же ты им ответишь в свое оправдание? Я ведь не знаю, как ты искусен во лжи. Или, быть может, ты для того и привез сюда тело Алкея, чтобы пред всеми признаться в убийстве и рассказать, для чего это сделал?

— Нет, — отвечал ей невинный Пруденций. — Я не для того привез сюда тело Алкея, чтобы изощряться во лжи или делать над ним признания в убийстве. Я привез его для того, чтобы ты могла видеть хоть мертвого мужа и могла его оплакать и схоронить как жена. А когда меня спросят о смерти Алкея, я безо лжи расскажу о ней всю сущую правду.

Слушая эти слова, Мелита смотрела острым и пристальным взглядом в глаза Пруденция и получила в глубине своего духа безотчетное удостоверение, что Пруденций ничем не повинен в смерти Алкея...

Это ей было отрадно, и душа ее успокоилась, насколько это было возможно в теперешнем случае.

— Если ты прав, — отвечала она, — то и следи скорее принести свое оправдание: я и Марема останемся здесь у мертвого тела Алкея. Ты же иди поскорее в селение, позови свою мать, вдову Ефросину, и вызови всех старых и молодых людей на берег моря, на то место, где Алкей говорил пред людьми о кончине отца твоего, Гифаса. Я и Марема приведем туда лодку с телом, а вы все наломайте ветвей, на которых можно поднять и нести тело Алкея, и когда оно будет поднято, ты перед всеми должен сказать, как случилась гибель Алкея и кто нанес ему эти три равномерные раны.

Пруденций ей тихо кивнул головою и, скоро достигнув селения, снял рожок, который висел на суке старого дуба, и протрубил для всех три призыванья, чтобы все шли скорее на собрание.

IX

Услышав рожок, люди тотчас же стали выходить из домов и, поправляя одежды, стали направляться к тому месту, где еще так недавно все выслушивали повесть Алкея о смерти Гифаса. Здесь и теперь, так, как и тогда, стояла на песке опрокинутая килем вверх старая лодка.

Все это было на полперелета стрелы от старого дуба, под которым теперь стоял Пруденций. И он продолжал здесь стоять, пока на берегу около лодки собрались почти все взрослые люди селения, а из-за загиба пологого мыса показалась на море лодка, которую гнали на веслах Мелита с Маремой.

Пруденций, который ожидал появления на море этой лодки, прежде всех ее и заметил, и он тотчас же снял с дерева рог, висевший на скрученном лыке, и надул его так, что рог зараз издал, кроме общего призывного звука, еще особый сигнал, который мог иметь условное значение для друзей трубача или его семейных.

Собравшиеся люди не упустили заметить этот сигнал, и один молвил другому:

— Пруденций, наверно, хочет сказать что-то необыкновенное.

— Почему ты так думаешь?

— Он кому-то дает сигнал на священном рожке.

— Это он зовет сюда свою мать.

— О да! Вон она и выходит — вдова Ефросина.

— Значит, они еще не видались?

— Так надо думать.

— Любопытно! Пруденций, конечно, желает, чтобы мать его была здесь при том, для чего он сзывает селенье; но что это такое он хочет сказать?

— Услышим.

— Уж конечно услышим. Вон к берегу тянется лодка... Эге! Да это знакомая лодка Алкея. Ее, еще года нет, снаряжал и опять недавно раскрасил Гифас, а теперь... смотри, что такое?.. Лодку ведут на веслах две женщины... Ах, ведь это Мелита с своею рабыней, сидоняжкой Маремой... Ну, у этой руки из бронзы, но все-таки женщинам не пристать сюда близко... Здесь вязкая тина и внизу в разных местах, не на одной глубине, острые камни... Ага! вот хорошо догадался Пруденций: он сбежал к морю и вошел в воду... Ну, немножко измокнет, а зато он взял лодку за канат и подведет ее к берегу... Ишь, как он весь изогнулся под лямкой!

— И зато какой чудный стан!..

— Да, уж Пруденций, известно, совершенный красавец. Говори что кто хочет, а им ведь недаром гордится наше селение, и я думаю, если бы боги не имели зависти к красоте смертных, то нельзя было бы ни понять и ничем объяснить, как они могли допустить соединение Мелиты с раскосым Алкеем, после чего Мелита остается бесплодной, тогда как ее следовало бы соединить с Пруденцием...

— Ага! это правда.

— Да, уж тогда было бы можно ручаться, что Мелита не тосковала бы и не осталась бы бесплодной, а взору человеческому был бы дан для услады самый красивый ребенок.

— Да, я думаю тоже, что если бы Мелита была помоложе и была бы свободна, — она не сочла бы для себя за большое обременение ласки Пруденция, и тогда-то, пожалуй, ты прав, что второй Купидон мог бы родиться где-нибудь в нашем незнатном селении; но ведь Мелита постарше Пруденция, и муж ее, косоглазый Алкей, долговечен: все его предки всегда достигали маститого века. Но в это мгновение у лодки, подвинутой к берегу, раздался голос Пруденция:

— Почтенные люди и ты, о, нежно любимая мать моя, вдова Ефросина! Еще в очень недавнее время отсюда отплыли вдвоем: отец мой, отважный Гифас, с бесстрашным Алкеем. Так они много раз отправлялись вместе вдвоем и всегда вместе вдвоем возвращались, но в этот последний раз случилось иначе: в этот раз возвратился один только смелый Алкей и открыл здесь, на этом месте,

всем вам, и мне, сыну Гифаса, и вдове отца моего Ефросине, что отец мой сделался жертвою моря.

Все люди слушали это вступление о вещах, всем им известных, и -напряженно смотрели на Пруденция и на Мелиту с Маремой, стоявших по-прежнему в лодке. В толпе проносилось:

— Что он хочет сказать?.. Для чего в лодке стоят Мелита с служанкой?.. Пруденций, быть может, узнал что-нибудь и задумал теперь обвинить в преступленье Алкея?

А Пруденций, вместо того, вдруг зарыдал и, рыдая, воскликнул:

— Посмотрите же, что нынче случилось с самим бесстрашным Алкеем!

Пруденций сдвинул лежащий на дне лодки парус и, приподняв труп Алкея, добавил:

— Вот он, Алкей! Он убит. Подходите и смотрите: на его темени рядом три одинакие ранки. От каждой из них человек должен был умереть непременно, а Алкей получил все три раны в одно мгновение ока.

— Где и как он мог получить их? — зашумели, толпясь на берегу и отчасти входя в воду, люди.

— Ты должен все объяснить, — кричали другие.

— Да, ты за него отвечаешь.

— И ты можешь быть в подозрении; ты мстил ему за Гифаса!

— Или завидовал красоте несравненной Мелиты!

— О, воздержитесь! — воскликнул Пруденций. — Вы не опоздаете оскорблять меня обвинениями и после того, когда я все изложу вам, как было дело. Дело же в том, что Алкей и упредивший его на пути в царство теней отец мой Гифас не только занимались торговлей, но они... они тоже нападали на другие суда и грабили их и топили...

На всю массу слушателей это не произвело особенно сильного впечатления и даже, кажется, никого не удивило, кроме одной. Мелиты, которая вскрикнула: «Мой муж был разбойник!» и, подняв кверху руки, упала головою на плечо Маремы.

Пруденций же продолжал говорить и рассказал, что он не верит словам Алкея, как погиб Гифас, что это, наверное, было как-то иначе, но что он

никогда не думал мстить за это Алкею, а сам Алкей получил свои раны от гвоздей, предательски вбитых в днище плившей византийской триремы, под которую Алкей поднырнул, с тем чтобы тихо взобраться на ее борт и задушить сонного кормщика, а остальных сонных людей сбросить в море; но эта трирема была для них проклятой ловушкой: когда они встретились с ней пред рассветом, люди на ней только притворялись спящими, а вовсе не спали; а дно самой триремы было утыкано острыми спицами, из которых три сразу же вонзились в темя Алкея, так что белый гребень набежавшей волны в то же мгновение и сразу весь окрасился Алкеевой кровью...

Затем следовал рассказ о том, как притворно спавшие на триреме византийские греки злорадно захохотали и, оттолкнув от себя шестом тело Алкея, уплыли в море, а осиротевший Пруденций остался один и с трудом изловил Алкеево тело, втащил его в ладью и привез сюда, чтобы оно было предано погребению и чтобы видели все, что ему нет нужды ничего скрывать в этом несчастном деле, полагающем конец торговому товариществу двух их домов.

Пруденций закончил словами:

— Кто-то сказал, что на меня есть подозрение!.. Что же, судите меня! Я не боюсь ничего, я приготовился к смерти, но я невинен в смерти Алкея.

Народ, выслушав все это, оставался в недоумении и обнаруживал разногласие: одним казалось, что Пруденций действительно не виновен в смерти Алкея, а другие думали, что Алкей убит его рукою, именно из мести за отца или, быть может, и от любви к Мелите. И тогда постановили: опять положить тело Алкея в лодку и туда же поместить Пруденция и, в сопровождении двух молодых людей и двух старцев, послать труп и подозреваемого к прорицательнице, жившей на отдаленном острове. Там поручалось старцам спросить прорицательницу над головою Алкея: виновен ли Пруденций в его убийстве? И если вещая дева скажет, что Пруденций виновен, то тогда старцы, отблагодарив прорицательницу, снова войдут в ладью вместе с Пруденцием, и когда удалятся настолько, что берег сделается не виден, тогда старцы велят юношам завернуть Пруденция вместе с трупом Алкея в парус и потом обмотать их бечевою и бросить их вместе в море.

Х

Нельзя описать, какой страшный плач сделала вдова Ефросина, когда услышала такое решение. И она не одна плакала, — с нею стонали и другие женщины, потому что многим жаль было невинного Пруденция. Стонала и рвалась также и Марема, но Мелита не стонала и не рвала на себе ни волос,

ни платья, а только побледнела и долго стояла в молчании на одном месте, но потом, когда ладья с телом Алкея, с Пруденцием и с сопровождающими их двумя старцами и двумя юношами отвалила от берега, Мелита подошла к Ефросине и сказала ей:

— Наши вопли и слезы ничему не помогут; вместо того чтобы здесь изнурять свои силы, сядем скорее в другую ладью и поедem следом за ними. Может быть, прорицательница, увидя твое материнское горе, склонит к нему свой слух и даст старцам ответ, который послужит к тому, что люди признают невинность Пруденция.

Ефросина на это легко согласилась, и через самое малое время после того, как ладья с телом Алкея скрылась из глаз, от той же пристани отошла другая ладья, нанятая Мелитою у немого Тромед, и на этой ладье, у кормила которой стоял сам Тромед, помещались Ефросина и Мелита с своей верной Маремой.

И прошло всего двое суток, как на третий день к вечеру жители селения увидели, что обе ладьи опять возвращались, и ладья немого Тромед опережала большую ладью, принадлежавшую прежде Алкею с Гифасом. На передней ладье, рулем которой правил Тромед, а парусами Марема, посередине сидел юный Пруденций, а с двух сторон его — Ефросина и Мелита.

С берега видели ясно, что Ефросина внушала что-то сыну с большим увлечением, а он ее радостно слушал и с видимым счастьем сжимал своими руками ее обе руки, а Мелита сидела в раздумье и, пустив руку за борт, держала в ней камышинку, листья которой играли с дробившейся волною. В лодке Алкея оба юноши и оба старца были спокойны: на всех на них нынче были надеты венки из белых пупавок в знак того, что их головы свободны от гнета всякой тягостной мысли, и на их мачте не было уже более черного войлочного колпака, а вместо него красовалась зеленая ветка оливы.

Ясно было, что вещая дева объявила невинным Пруденция и что труп Алкея, как не нужный более ни для каких расследований, спущен был в море и теперь все возвращаются в покое и в мире.

Все догадались, что сейчас наступает веселый, радостный вечер, что вдова Ефросина, наверно, не станет скупиться, а жарко растопит очаг в своем доме и угостит всех так изобильно, как сна может. О, она не поскупится справить веселый праздник за спасение сына.

Так это и сделалось: лодки пристали; старцы и юноши объявили, что Пруденций невинен и что при этом случилось еще одно пречудесное дело...

Вышло так, что когда вдова Ефросина вместе с Мелитой хотели поднять Пруденция от ног прорицательницы, то вещая дева вдруг как будто проснулась, — лицо ее озарилось улыбкой, и она, взяв за руки Мелиту и Пруденция, вложила одну в другую их руки...

Тут все, кто это слушал, заплескали руками и запели:

«Эвое! Эвое!» и начали обнимать и целовать и Мелиту и Пруденция, и поздравлять вдову Ефросину, и радоваться, что союз Мелиты с Пруденцием исполнит их счастьем и устранил всякий вопрос о разделе имущества, так как с этих пор все равно, что Пруденциево, что Мелитино. И все, распивая вино, которое выставила Ефросина, и обоняя запах мяса и рыб, которые жарились на вертелах, и сладостный пар черносливных полив, кипевших в огромных сосудах, — все без уговора стали считать себя вправе смотреть на Пруденция и на Мелиту как на супругов, для соединения которых все решено самую судьбою, и теперь только потребно какое-то недолгое время, чтобы брак их признать совершенным.

Невинный Пруденций был наверху своего счастья и еще усугубил свою всегдашнюю почтительную скромность перед Мелитой, а вдова Ефросина даже терялась от радости и изливалась в приветях и в ласках ко всем, кто подходил к ее очагу, чтобы брать мясо, и рыбу, и похлебки; в радостном духе была и Марема, которая помогала Ефросине в угощении и, нося на плече кувшины с вином, наполняла им чаши. Одна лишь Мелита не изменяла своей задумчивости и не отвечала ни на какие намеки, а как бы витала теперь где-то далеко отсюда, и когда гости, заметив на небе признак приближающегося утра, начали расходиться, Мелита вздрогнула и, взглянув в знакомые лица Маремы и вдовы Ефросины, сказала:

— О, кто бы вы ни были! — отведите меня куда-нибудь в тихое место!

Такое обращение к Мареме и Ефросине, как к незнакомым, очень удивило обеих женщин, и они, переглянувшись друг с другом, подумали: не выпила ли Мелита с жажды ошибкою цельного вина, или не потеряла ли она рассудка при морском переезде на лодке или при быстром охлаждении воздуха.

Марема попробовала руки Мелиты, и, чувствуя, что они холодны, окутала ее голову и стан покрывалом вдовы Ефросины, и, обвив ее стан своею рукою, повела ее к дому.

Как провожая Мелиту, так и укладывая ее дома в постель, Марема все время была в полной уверенности, что госпожа ее недомогает от множества смешанных чувств, над которыми забирает самое высшее положение и самую

большую силу любовь ее к прекрасному и невинному Пруденцию; а потому, чтобы сказать Мелите что-нибудь самое радостное и способное вызвать в ней оживление, — Марема, покрывши Мелиту ночным одеялом, нагнулась к ее лицу и, поцеловав ее в лоб, прошептала ей на ухо:

— Спи, и пусть тебе снится тот, к кому рвется с любовью твое разрешенное от клятв сердце!

А когда Мелита промолчала, то потом Марема распрямилась и ласково спросила ее:

— Скажи мне, ты не сердишься за то, что я позволяю себе немножко читать в твоём сердце?

— Нет, — отвечала Мелита, — я не сержусь.

— Значит, я угадала...

— Нет, это не значит, что ты угадала. Я не сержусь на тебя, потому что ни на кого не должно сердиться, а сердце мое действительно беспокойно, и действительно оно с каждым днем все становится более полно любви, но это любовь совсем не к тому, о ком ты помышляешь...

— Как, разве невинный Пруденций не один... Неужто же он должен будет отнимать у кого-нибудь свое место в сердце Мелиты?

А Мелита ей ответила:

— Успокойся, Марема! И ты и невинный Пруденций имеете свое место в сердце Мелиты...

— О, я не говорю о себе! — перебила Марема.

— Дай мне докончить! И ты, как и он, живете и будете жить в моем сердце, потому что я люблю вас обоих, как стремлюсь и желаю любить всех людей в мире. Из вас никому не нужно ни у кого отнимать ваше место в моем сердце, но владеть им, — повелевать моему сердцу и править им с властительной силой и властью будет только один...

— Кто же это такой? Я его знаю или не знаю? Мелита ласково ей улыбнулась и сказала:

— И знаешь, и нет.

— Кто же это такой?

— Иисус Галилейский.

Марема положила большие пальцы обеих рук себе на уши и, закрыв остальными перстами свои глаза, затрясла головою в знак того, что она ничего в этом не понимает ни одним из своих чувств. Но Мелита привлекла ее к себе, уложила рядом с собою в постель и, лаская ее, стала ей говорить, что жизнь на земле ей не представляется целью, достойною забот и стараний; что все радости жизни слишком быстротечны и оставляют после себя одну пустоту и страданье, что «союз сердец», который воспевают певцы, — нисколько не надежен, если он основан на влечениях страсти, — что как бы ни укрепляли такой союз, он никогда и ни от чего не получит всегдашней прочности, а истинен и крепок один лишь союз — это союз тех людей, которые сопрягают себя под одно иго по схожести мыслей и по согласию в разумении жизни...

— И вот, — добавила Мелита, после долгого развития своих соображений в этом духе, — вот тот союз, о котором можно говорить как о прочном благе — об исполнении закона жизни земной, учрежденной для приготовления нас к какой-то другой, высшей цели, нам неизвестной. Но кто же из нас всех так единомыслен и так схоже настроен, чтобы слиться друг с другом? Я надеюсь, что это не я и не невинный Пруденций. Разве ему мир и назначение в нем человека представляется тем же, чем мне?

— О, это было бы страшно, Мелита!

— Быть может. А мне кажется страшно другое... страшно соединиться на одном ложе с человеком, с которым меня ничто не соединяет духовно, а разве только одно бунтованье плоти и крови... О, как ужасно и страшно, должно быть, проснуться после этой опьяняющей ночи, что вы называете вашей «любовью»!.. Как надо будет дрожать, чтобы плодом этих объятий не явились дети, о научении которых мать должна будет спорить с их же отцом!

— Зачем же все спорить, Мелита?

— Затем, что нельзя с равнодушьем глядеть, если детей ведут не к тому, что серьезно и свято, — что воспитывает дух в человеке и «ставит его господином над зверем, живущим в самом человеке»... О, как это страшно! как это страшно!

— Однако же ты ведь была женою Алкея и могла бы не раз сделаться матерью рожденных тобою детей. Мелита вздохнула и отвечала:

— Могла!.. Ты права: я была женою человека, с которым у меня не было ничего общего в мыслях. Я стала женою Алкея ребенком, когда сама не имела тех мыслей о жизни, какие имею теперь. И не хочешь ли ты меня укорить за

то, что я с ним жила, и не бежала из его дома, и не раздражала его гнева уклонением от его ласк и объятий, которые я должна была принимать, раз назвавшись женою! Да, я все это снесла, и все это было мне тяжело, но я понимала, что Алкей не виноват в том, что в его глазах свет светился иначе, чем он засветился в моем взгляде! Когда нам пели брачные гимны, я его не могла предупредить об этом и так же точно не должна была его оставить, пока он мог быть моим мужем... Но теперь, когда не по моей воле все это минуло, — теперь, когда я свободна и вижу ясную цель в моей жизни, я не хочу утомлять дух мой в обязательствах брака с мужчиной...

Я не считаю призванием и долгом вызвать несколько новых детей, чтобы было кому собирать ракушки и камни на берегу моря... Напрасно вы думаете, — что я соглашусь связать с кем-нибудь мое право отдать себя с этим телом и кровью на пользу вечного духа, жизнь которого я в себе ощущаю... О, какие вы дети! О, какие вы бессмысленные, бедные дети!.. Встань, о Марема, — встань, друг мой!.. Ты уже друг мой, а не рабыня, — рабство незаконно, я тебя отпускаю и... я постараюсь, чтобы ты получила все то, в чем ты видишь счастье... Целуй меня просто, как друга, и, если любишь меня, — сослужи сама мне еще одну величайшую службу... Встань, о Марема! спеши ко вдове Ефросине... говори ей... проси... убеждай... что Мелита не может... она не годится быть подругой Пруденция... Иди!

И Марема действительно встала и вышла, но она была в сильном волнении и побежала ко вдове Ефросине, а когда разбудила вдову, то сказала ей с замирающим сердцем:

— Случилось еще очень большое несчастье!

— Дом ваш сгорел?

— Нет, но Мелита, моя госпожа... помрачилась в рассудке.

— О боги! о боги! Зачем так всеильна над нами любовь!

— Ужасно!

— Скажи же скорее, что она говорит?.. Она не дожидается Пруденция?.. Да? Говори же!

— Она говорит... совсем против брака.

— С Пруденцием?

— С кем бы то ни было. Ефросина вскричала:

— О боги, какое безумье! Но это минует.

XI

Так несродно было пониманию вдовы Ефросины и юной Маремы все то, что им сказала молодая христианка Мелита. Обе женщины не могли допустить, чтобы человек, сохраняющий здравый рассудок в своей голове, мог иметь о значении жизни и о главном назначении женщины такие, по их мнению, безумные понятия, какие начала высказывать высоко настроенная Мелита... И из того, что это случилось так неожиданно, вдруг, вскоре после того, как молодая вдова Алкея пережила столько внезапных потрясений, опытная в жизни мать Пруденция, пожилая вдова Ефросина, имела вполне достаточные, по ее мнению, основания вывести, что в Мелите произошла не твердая и ясно обдуманная перемена в образе мыслей, а просто забурлил на время какой-то бурный порыв, дающий ее мыслям болезненное и беспорядочное направление.

А как Мелита очень нравилась вдове Ефросине за ее красоту, добрый нрав и изящную домовитость и Ефросина знала, что ее сын, юный Пруденций, давно страстно любит Мелиту и уста его, наяву и в сонной дремоте, только и шепчут драгоценное юноше имя Мелиты, то известие, принесенное Маремою, все-таки сильно встревожило вдову Ефросину, и она просила Марему никому более в селении не рассказывать о том, что она слышала от находившейся в особенном, возбужденном состоянии Мелиты.

— Для чего ее подвергать общим насмешкам и осуждению? Пусть лучше это пройдет и позабудется, как забываются многие молодые грезы... Большой опасности нет. Слава богам, в селении не завелось еще других людей, опоенных этим мечтательным учением, которое принесли какие-то жида из какой-то своей далекой и никому не нужной Галилеи. Мелита одна где-то наслышалась об этом учении от своей какой-то подруги и вот теперь бредит... Эта жизнь будто только и стоит внимания, как воспитание себя к какой-то иной жизни, о которой мы не можем судить, потому что сна так не схожа с тем, что видим, как не похож желудь на дуб, который может из желудя выйти... Но ведь все это вздор, и Мелита не удержится в этом настроении, и оно скоро заменится другим, более жизненным и более свойственным молодой красавице, к которой горит нежною страстью такой совершенный красавец, как невинный Пруденций!.. Ведь она давно о нем думает!.. Не она ли, Мелита, научила его многим знаниям; она развила в нем и ловкость и силу и часто сама любовалась им и сама с ним состязалась и в беге и в других упражнениях... И разве не она виновата, что в нем зародилась любовь к ней как к женщине и сердце Пруденция давно уж горит страстным огнем, который, без сомнения, вспыхнет еще сильнее теперь, когда Алкей удалился в

область Аида... Ведь недаром же там, пред послами народа, вещая дева соединила их руки над телом Алкея!.. Разве может же быть, чтобы теперь Мелита сама все это пожелала разрушить? Разве возможно молодой и столь красивой вдове, бывшей женою сурового мужа, каков был мореходец Алкей, отказаться от страстных ласк и объятий такого нежного юноши, как невинный Пруденций?..

Ведь он так изящен, так нежен, что один отказ Мелиты принять его к себе мужем наверное и без малейшего сомнения убьет его!.. Да; убьет его, самого стройного и красивого, самого доброго и достаточного юношу на всем побережье! Неужто это — то, совсем отвлеченное и мало понятное?.. Неужто есть такая странная вера, которая может побудить женщину отвергнуть влюбленного в нее молодого красавца, как невинный Пруденций? Нет; это все пустяки! нужно только скорее дело свести к поцелуям! Скорее украсить цветами алтарь бога любви, скорее заставить Мелиту принести жертву Гимену.

Всеми такими соображениями и надеждами вдова Ефросина вдохновила пылкую душу темнокожей Маремы, девушки, возраст которой достиг самой огневой поры, и Ефросина вдруг увидела, как этот огонь всюду светит во всем теле Маремы, разливаясь прямо из-под черных волнистых волос на ее гладкий лоб, брови, полные неги глаза, на шею, на дрожащие плечи и грудь, которая волной заходила под легким покровом.

Ефросина теперь точно в первый раз увидела Марему и только теперь почувствовала, что эта темнолицая девушка тоже прекрасна, и хотя красота ее совсем не такова, как красота Мелиты, но зато... здесь дух не поведет распри с плотью и кровью... Эта наверно не станет укорять природу за однообразие общих всем людям желаний!

И вдова Ефросина сама не уследила за собою, как она увлеклась страстной красотой Маремы: она коснулась слегка обеими руками ее плеч и потом улыбнулась и, быстро отодвинув ее от себя, воскликнула:

— Ну что это, право, как ты красива, Марема! Вообрази, что до этой минуты я тебя будто совсем не видала!

— Вот как! — отозвалась шутливо Марема. — У нас в Финикии, откуда я родом, есть много красавиц; быть может, и мать моя тоже была из красивых.

— А ты ее не видала?

Марема молча отрицательно покачала головою.

— И вовсе не знаешь ее?

— И вовсе не знаю. Иначе бы я не была продана сюда в рабство.

— Да, да, да! — молвила, точно будто в себе самой, Ефросина. — И знаешь ли, друг мой Марема, ты уж слишком хороша для рабыни... Мелита, может быть, и не делала ошибки, что держала тебя, пока она была замужем за Алкеем. К нему она была равнодушна, и ты не могла возбуждать в ней ревности, но когда мужем ее станет сын мой Пруденций... Вот уж тогда я ей не посоветую этого... Ты не безопасна... Под одной крышей с тобою всякой жене должно быть тревожно... Ты опьяняешь... от тебя чем-то веет... Я боюсь — это, быть может, одуряющий запах заколдованного корня...

Марема расхохоталась, а Ефросина всерьез продолжала ворчать:

— Нет, право... Бедный Пруденций!.. не гляди на него этими жгучими глазами, Марема!.. Я постараюсь тебе найти добрую госпожу, которая заплатит за тебя Мелите хорошую цену и будет с тобой хорошо обращаться.

— А разве у той госпожи нет мужа?

— Есть, но он уже очень стар.

— Это тем лучше: тем он скорее возненавидит свою старую жену и станет гнуться к коленам красивой невольницы... И тогда эта добрая госпожа, к которой ты хочешь меня устроить, исцарапает ногтями лицо Маремы и продаст меня еще худшей мегере. Так-то вот трудно устроить со мною. Но ты, о вдова Ефросина, не беспокойся: знай, что не невольница больше... Марема свободна. Мелита подарила мне волю.

— Давно ли? — Сегодня же ночью, когда ей казались так скучны все повторения в супружеской жизни. Тут она захотела, чтобы и для меня не повторялись терзанья неволи. Да, я свободна, вдова Ефросина, и считаю земную любовь разнополых людей высочайшей услугою жизни... Я могла бы... и даже хотела бы принести мое тело в жертву при храме Изида или могу дать внучат матери красивого и сильного юноши, но... ты знаешь... и во мне есть смущенье...

— Чем же ты смущена?

— А вот тем самым, что происходит с Мелитой...

— Что ж тебе кажется?

Марема двинула своим смуглым плечом и, взявши за обе руки вдову Ефросину, пригнулась к ее лицу и сказала ей тихо и внятно:

— Мне иногда тоже кажется... что он где-то есть...

— Кто?

— Тот, кто научил ее знать что-то такое, чего мы не знаем.

— Так пусть она это покажет.

— Она еще не нашла... а все хочет искать, чего мы не ищем... Кто он, который дает ей эту силу терпеть все, что посылается в жизни, и отказываться от всего, что привязывает к этой жизни... Зачем она налагает на себя узы, а меня одаряет свободой?.. О Ефросина! Что, если Мелита правей нас!.. Что, если мы не все целиком здесь на земле начались и не здесь кончимся, что, если взаправду здесь только школа или гостиница?.. Как тогда стыдно!.. Как тогда страшно! Я хочу когда-нибудь это проникнуть... хочу это понять... И я все, что мне нужно, пойму... Не верь, вдова Ефросина, что одни только старцы под длинными тогами могут понять, в чем настоящий смысл жизни... В то же самое время, когда я слышу своими ушами, как шумит моя кровь и стучит мое сердце, я слышу и что-то другое... что-то такое, что, вероятно, еще явственней слышала моя госпожа и что ее сделало...

— Сумасшедшей на время, ты хочешь сказать?

— Да!.. Я, впрочем, не знаю... я не знаю, что хочу я сказать. Мне кажется, и я будто брежу.

Ефросина погладила Марему по плечу и сказала:

— И впрямь обе вы очень молоды, и обеим вам что-то представляется, чего вовсе нет... Вы очень долго жили одни, без супружеских ласк... Все это нам, старухам, знакомо. Поусердствуйте браку, нарожайте побольше детей да хорошенько вскормите их молоком вашей груди — вот вам и будет настоящий смысл жизни. А теперь иди, Марема, к Мелите и скажи ей, что к ней скоро пряду и принесу ей вкусную рыбу. Мы с ней сегодня же кончим о браке... Бедный Пруденций и без того ожидал ее ласк слишком долго и слишком тяжко томится.

В это мгновение до слуха женщин, как нарочно, достиг из-за толстого занавеса томительный бред Пруденция:

— О, не удаляйся... не удаляйся, Мелита!.. Яви мне милосердие... стань твоею ногою на этот лист, который растет у тропинки... Коснися его твоею ногою,

чтобы бедный Пруденций мог лобызать его после... Сделай, чтоб я получил облегчение в моих тягостных муках! Я возьму этот лист и покрою его лобзаниями... я оботру им мои слезы, которыми плачу о тебе днем и ночью, скрывая от всех, о чем я действительно плачу, и... затем... я положу этот лист на мое сердце... чтобы оно перестало биться... перестало жить... потому что жизнь без тебя для меня исполнена муки, и на свете нет никого, кто бы для меня что-нибудь значил... Я уйду... я... исчезаю, Мелита!

— Каково это слышать матери! — воскликнула вдова Ефросина.

— Даже и не матери это слышать ужасно! — ответила вся в волнение Марема, и обе они разошлись в разные стороны: Ефросина к базару, где продавали рыбу, а Марема — к дому Мелиты.

XII

Ефросина явилась к Мелите, как обещалась, — скоро и с вкусным блюдом из рыбы, и как только пришла, так сразу же начала с ней разговоры, клонящиеся к тому, чтобы получить от Мелиты согласие на брак с Пруденцием. Она хотела кончить с этим как можно скорее и думала, что Мелита не станет упорствовать; но Ефросина ошиблась в своих соображениях.

Напрасно вдова Ефросина подводила, что теперь у них в двух домах, связанных старинною дружбою, остался только один мужчина, молодой и невинный Пруденций, — что они обе, то есть Ефросина и Мелита, должны его побереечь, так как он нужен им обеим. И что самое лучшее; им всем соединиться и жить одним общим хозяйством. Пусть Пруденций возьмет себе кормщика в долю и уходит в море и снова возвращается, а они будут его ждать и сделают для него возвращение домой радостным и счастливым.

— А недостатков бояться не надо, — продолжала говорить Ефросина, — Пруденций уже знает все места, где что покупали и что продавали Гифас и Алкей, и поведет дело, как оно шло. Я уж стара, и мне не нужны ни запястья, ни кольца, ни цепи — я все их отдам тебе с радостью, чтобы ты их прибрала вместе с твоими и надевала, когда что захочешь. А кроме того... Кроме того (Ефросина понизила голос), правда иль нет, но была молва в людях, будто б Гифас и Алкей в самом деле иногда разбивали чужие ладьи и овладевали насильно чужим имуществом. И что они отнимали, то все отвозили на маленький островок, а островок этот где-то затерт среди скал и никому, кроме их, неизвестен. До островка этого, говорят, очень трудно добраться среди острых камней и бурных протоков, но сам по себе острее будто пригоден для жизни — покрыт зеленью, имеет источник сладкой воды, бегущей сверху из камня, и в середине одна над другой две пещеры — одна с таким входом, что

вровень с землею, а в другую влезть очень трудно... В верхней пещере у них издавна устроено уютное жилище, в котором Алкей и Гифас жили и скрывались, высматривая в море добычу. Отсюда они выплывали, нападали и грабили и потом вдруг исчезали с награбленным. Пещеры эти не рытые, а они сами образовались, и та из них, которая была в самом верху, на обрыве высокой скалы, была так тщательно скрыта, что ее ни за что не откроет ничей посторонний глаз, а пробраться в нее можно, только приставивши жердь, скрытую в потаеннейшем месте на дне темного ущелья. Стоит же только принять и убрать эту жердь, и эта верхняя пещера делается недоступною. Но зато сна невелика в сравнении с нижней, в которой, за много лет совместных трудов Алкея с Гифасом, собрано много добра — много запасов пшена, и Фруктов сушеных, и рыбы сушеной, и бочонков с разными винами и оливковым и ореховым маслом; но, кроме того, есть и тюки и целые скрины с одеждой и утварью, есть и кожи, и пурпур, и все, о чем только можно подумать.

— Да, и все это чужое... и на всем этом слезы и кровь тех, у кого это отняли, — перебила Мелита.

— Ну да, разумеется, те, у кого это было отнято, — они, может быть... и плакали... да ведь уж это все было давно...

— А все-таки было.

— Ну, было, конечно.

— А их не жалели и грабили... да и жизни лишили их...

— Может быть.

— Нет — не «быть может», а это наверное так было! А их матери, и жены, и дети, конечно, их ждали... толпились, рыдали и проклинали злодейство... наших мужей... Алкея с Гифасом!

— Ну, вот ты опять куда все повернула, Мелита!

— Я не знаю, как можно сюда не сворачивать... Не виновата я, что мой дух все туда глядит, куда вы не хотите смотреть. Я смотрю, что со смерти Гифаса прошло уж три года, и в это время Алкей ходил в море с твоим сыном... Бедный Пруденций! бедный, невинный Пруденций... Он молчит, он скрывает, но, конечно, и он все это же самое делал, что делал Алкей, -он помогал настигать людей в море, отнимать у них вино, фрукты, хлеб и другие товары, а самих людей топить в волнах... и бить их веслом, если они выплывают...

— Ах, Мелита, — ведь и все так и в жизни, как в море, — один бьет и топит другого!

— Это правда! И вот это у вас называется «жить»!.. Вечно следить друг за другом, гнаться, отнимать и присваивать все, что только можно перебить из рук друг у друга, и все это прятать в недоступных местах... Для кого?.. для чего?.. Нет, я не спорю, что такова вся наша жизнь — на воде и на суше, но я не годна к ней; я ее не хочу... Я не стану бороться за большую долю чего бы то ни было в жизни. И теперь я могу все это сделать, потому что кончина Алкея меня разрешила от всех обещаний.

Тогда вдова Ефросина обняла ее и прямо сказала ей, что она пришла к ней для того, чтобы просить ее согласиться на новый брак с страстно влюбленным в нее Пруденцием, но Мелита воскликнула:

— Как! опять брак!.. Опять снова обеты и снова заботы об их исполнении? О, никогда и ни за что на свете!

— Но чем же противен тебе сын мой Пруденций?

— Твой сын мне ничем не противен, но мне противны обязательства нового брака.

— Почему же?

— Я не считаю за лучшее в жизни думать всегда об угождениях мужу.

— Что же может быть лучше этого?

— Что лучше этого?.. Жить для общего блага, а особливо тех, кому трудно живется на свете. В этом есть воля отца нашего бога.

— Боги желают, чтобы люди жили и размножались. Мелита молчала.

— В самом деле, что превзойдет воспитание честных граждан в своих детях?

— Помощь всем детям чужим вырастать при меньших страданиях.

— Ты говоришь непонятные и неприятные мысли, Мелита!

— Я говорю простые самые мысли.

— Ты хочешь остаться одна?

— Зачем же? Я буду при тех, кому могу сделать услугу или пользу.

— Так вот и начни: сделай услугу; проникнись сожаленьем к тоске и страданиям страстно влюбленного в тебя моего сына! Тронься стенаниями

невинного Пруденция, который так много терпит, потому что весь женский род для него воплощается в одной только Мелите...

— Ах, оставь это, вдова Ефросина! Кто жаждет того, чего жаждет сын твой, тот не иссохнет от жажды.

— Да, — продолжала вдова, — вот как Мелита жестока! Мелита не внимлет ему и даже не чувствует никакого сострадания к слезам, которые текут по сморщенным щекам ее тетки и матери Пруденция, бедной вдовы Ефросины.

Мелита взглянула на Ефросину и увидала, что в самом деле все лицо ее мокро и по щекам быстро бегут потоками слезы.

— Это жестоко со стороны вас обоих, — сказала Мелита.

Но Ефросина закачала головою и сказала:

— И это ты же говоришь о жестокости!

— Да, это я говорю о вашей жестокости и не укоряю вас, но только хочу, чтобы вы меня поняли. Вот теперь я скажу, в чем вы жестоки: я верю, что людям дано средство жить веки веков и что от человека зависит войти в эту вечную жизнь или угаснуть в пределах короткого часа, пока наша свеча горит здесь на земле. Вот так мне дано, что дух мой проснулся от природного сна, и, проснувшись, он слышит голос, который его громко зовет, и велит ему бросать долой с себя всякие путы... Мой дух хочет бежать туда, откуда слышен ему зов, а вы опять хотите мне спутать ноги страстными привязанностями и навязывать мне обеты, которых я давать не могу, потому что... я не могу никому обещаться...

— Неужели же ты чувствуешь себя такою непостоянною?

— Да что ты пристаешь ко мне с постоянством! В чем надо застыть... в каком постоянстве? Я сегодня такая, как есть, а, быть может, завтра же дух мой увидит еще что-нибудь шире, и когда подрастут его крылья, он устремится куда-нибудь выше и дальше... в вечность!..

— Чего же и лучше! — перебила ее Ефросина, — вот и пожертвуй собою — соверши счастье Пруденция, который так страстно влюблен в тебя и так ужасно страдает, что теряет различие между тем, что видит в яве и что ему грезится в мучительных снах. Бедный ребенок! Воображение его с тобою не расстается ни на минуту, а уста его постоянно шепчут имя Мелиты. Бедный Пруденций! Сгорая огнем юных желаний, уста его лобзают воздух, в котором

он чувствует тебя сквозь стены и скалы... О, сжался! сжался над ним!
Сжался над обоими нами, Мелита!

Так окончила свой разговор страстной просьбой вдова Ефросина и, обливаясь слезами, с простертыми руками бросилась на землю перед ногами Мелиты.

Положение Мелиты было очень тягостно, но она, однако, не склонилась к просьбам вдовы Ефросины и хотя старалась показать ей свое сожаление и участие, но не подавала никаких надежд к согласию на брак.

— Как! — воскликнула тогда Ефросина. — Неужто ты желаешь быть непреклонна даже в том случае, если Пруденций умрет или утратит рассудок?

— Для чего говорить о том, чего еще не случилось? — отвечала с подавляемым в себе нетерпением. Мелита.

— Разве ты считаешь за невозможное, чтобы человек утратил рассудок от мучений любви?.. Ведь это бывает.

— О, бывает, конечно! — отвечала Мелита, — но бывает потому, что люди сами отдают себя в жертву своим грубым желаниям и не хотят им противиться.

— А ты думаешь, что этим желаниям можно противиться?

— О, еще бы!.. Конечно...

Но в это самое время до слуха обеих женщин достигли громкие крики Маремы, которая бежала к дому и кричала издали:

— Госпожа Ефросина! Госпожа Ефросина! спеши скорей к дому... у тебя случилось большое несчастье! Пруденций стал умываться и вдруг ударился об пол и теперь катается с пеной у рта и рыкает, как левенок... Мы его впятером насилу держали, а горшечник Агав обложил ему голову мокрой глиной, но спеши, госпожа, — это все едва ли поможет... Бедный Пруденций! бедный Пруденций! он едва ли воротится к жизни.

XIII

Услышав о таком жесточайшем страдании сына, вдова Ефросина только молча бросила взгляд, полный укора, Мелите и, позабыв свои годы, побежала домой, где терзался Пруденций; а Марема меж тем рассказала Мелите подробнее, как все это случилось. Она повторила ей все то, что уже знаем, и потом прибавила тихо:

— Напрасно скрывать, что он все это терпит от томленья жестокого чувства, которым весь к тебе полон. Ты, как природа, властвуешь над всем его существом... Шесть человек нас с Агавом, который подрос к нам, были не в состоянии сладить с демоном, который напряг мышцы юноши и вспенил в нем кровь до того, что все уста его облились розовой пеной; но едва я закрыла его помутившиеся глаза твоим покрывалом, которое весла на плечах, чтобы вымыть его у источника, Пруденций вдруг стих и зашептал:

«Мелита!.. близко Мелита!.. боги!.. пусть я умру прежде, чем она удалится!..»

— И, прости меня, госпожа, — заключила Марема, — он так страдал, что я не могла взять у него твое покрывало... Пусть ему будет немножечко легче... Он обмотал в него свои руки и прижал его к сердцу, и мало-помалу в нем судороги стихли... он, может быть, даже... уснет или...

— Что?

— Перейдет без новых страданий в царство теней. Мелита поднялась с места и сказала:

— Пойдем туда вместе!

— Как!.. ты хочешь идти туда... в дом Ефросины, где лежит несчастный Пруденций, с головою, горящей в огне и обложенной мокрою глиной?

— Ну да, конечно!

— Зачем же пойдешь ты туда?

— Зачем?.. Там страдает человек, и я хочу идти туда.

— Конечно, не с тем, чтобы усилить его страдание?.. Ты не отнимешь у него свое покрывало? Ты не гневаешься на меня, что я там оставила эту ткань?

Мелита отвечала, что она нимало не сердится на Марему, а напротив, даже рада, что та оставила покрывало, сделавшее какое-то удовольствие капризу больного Пруденция, и добавила, что ей все равно, что об ней станут говорить или думать в селении, — что все это не стоит одной минуты человеческого страдания, если ему есть средство помочь.

— О госпожа моя! — радостно вскричала Марема. — Идем же скорее, скорее спешим в этот дом плача! Ты властна в целой природе милого юноши, и одного звука твоего голоса, одного твоего приближения будет довольно, чтобы воззвать Пруденция к жизни, если только мы успеем вбежать под кров Ефросины ранее, чем совсем остановится движение сердца в груди ее сына.

— Поспешим!

— Поспешим! поспешим!

И они обе схватились за руки и обе ровно и шибко побежали, — одна ясная, как день, другая темная, как южная ночь... Их волосы веялись в воздухе, и за ними тихо расстиралось дыхание жизни.

— О, ты спасешь его!.. ты спасешь! — шептала, сжимая на бегу руку Мелиты, Марема...

— Может быть... — отвечала ей с тихим пожатьем Мелита.

И что же случилось?

Прежде чем быстрые ноги Мелиты и Маремы достигли жилища вдовы Ефросины, — ужасный припадок оставил Пруденция: он спокойно вздохнул, сел среди пола, на котором лежал, улыбнулся счастливой улыбкой и, протянув вперед руки, воскликнул:

— Боги! хвала вам во веки... Сердце Мелиты исполнилось жалости... Мелита встала... Мелита спешит, чтобы капнуть росинкой участия на мое сгоревшее сердце... Вот она, вот! Откройте скорее завесу!

И как голос Пруденция звучал уверенностью и силой, то желание его тотчас же исполнили, а когда завеса была распахнута, тогда все увидали перед нею раскрасневшуюся от быстрой ходьбы прекрасную Мелиту, а за нею не менее красивую в своем роде Марему.

— Вместо одной облегчительницы — к тебе спешат две, — прошептали сторонние женщины, стоявшие возле Пруденция.

Он же теперь похож был больше всего на ребенка, у которого только что унялись жестокие муки, от воспоминания о которых ему в одно время и сладко и больно.

Пруденций сидел и смотрел в лица пришедших и повторял, как дитя, улыбаясь:

— Вот и она... Мелита... Марема!

XIV

Вдова Ефросина была несказанно рада, что Мелита пришла к ней и сама воочию могла убедиться, как тяжело страдает Пруденций и как облегчение его мук прямо зависит от Мелиты, и Мелита все это видела, не спорила с нею.

Доказательства были слишком очевидны, и Мелите сделалось ясно, что ей не оставалось никакой возможности жить в своем доме в одном и том же селении, где был дом вдовы Ефросины. Здесь она будет постоянно встречать Пруденция, и это станет усиливать его мучительную страсть, которой она отвечать не желает. Каждый человек в этом селении непременно станет укорять ее за жестокость и будет говорить о ее глупом упрямстве, так как заботу о сохранении в себе ничем не плененного духа во все времена люди желали считать за «упрямство». А притом до безумия достигшая страсть Пруденция заставляла бояться, как бы он в один из подобных порывов не посягнул на свою жизнь, и тогда горю осиротелой вдовы Ефросины не будет предела, а доброй Мелите не снести вида всех этих бедствий, в которых все непременно станут ее считать виноватой. Еще оставалось ей разве одно: тайно покинуть дом и селение и скрыться навеки... Мелита на это была готова, она бы устроилась жить с единомысленною ей подругою детства, христианкой Эрминией, но ведь Пруденций мог ее всюду преследовать и везде нарушал бы ее покой и продолжал бы губить свою жизнь. Надо было отыскать иной, более удобный для всех выход из этого положения, и Мелита решилась непременно выдумать что-нибудь более удовлетворительное и, обдумав, привести свое решение в действие, какие бы оно ни представляло трудности.

В таком настроении она предстала пред влюбленными глазами исступленного Пруденция, и когда удостоверилась, что он успокоился и может ее понимать, она подала ему руку и спокойно сказала:

— Не предавайся отчаянию, добрый Пруденций. Ты не будешь вечно томиться так, как до сих пор томился. С этой поры я не буду тебя избегать и стану думать, как сделать тебя счастливым, а тебя умоляю: имей ко мне: веру и немножко терпенья. Я тоже сильно взволнована, и дух мой нуждается в отдыхе и покое. Дай мне побыть в тишине с самою собою только три дня, а на четвертый день приходи перед вечером на берег моря, где стоит. наша лодка, и там я скажу тебе, какое придет мне решение, и оно будет твердо настолько, что ты можешь на него положиться. Пока же, на тр.и дня, яви мне приязнь — будь покоен.

— О, не три дня, а три года я готов ждать твоего слова, — ответил, оживившись, Пруденций. — Лишь бы ты меня не отвергла... лишь бы мне было чего ожидать.

— Ну, три года — слишком долгое время. Через три года ты сам меня можешь отвергнуть, так как я тебя старше... Нет, ты три дня подожди, и это будет довольно.

— Я отвергну тебя! О боги! о, разразите меня, справедливые боги, если это возможно, чтобы в сердце моем кто-нибудь заменил образ Мелиты!..

— Не клянися, Пруденций, ничем и не зови во свидетели богов, о природе которых тебе ничего не известно. Пусть лучше время само покажет нам, каковы мы и чего мы достойны.

— Согласен, согласен! — воскликнул Пруденций. — Целая вечность докажет тебе, что ты для меня всего дороже на свете и что нет ничего, что я предпочел бы тебе на минуту.

— Ну, жди же!

И она дружески простилась с ним и с матерью, вдовой Ефросиной, и ушла к себе в дом свой с Маремой, оставив вдову и Пруденция успокоенными и готовыми ожидать через три дня ее решения.

Решения этого стали ждать с любопытством и все прочие люди в селенье, потому что всем было любопытно: не хитрит ли Мелита, притворяясь, будто она не желает взять себе мужем несравненной красоты юношу, который страстно влюблен в нее и моложе ее на три года.

— Что-то измыслит Мелита? Каков ее ум и в чем ее хитрость?

Три дня пролетели для всех в любопытном ожидании: в эти три дня Мелита была безвыходно дома, а Пруденций поправился от своих жестоких припадков и на четвертый день перед вечером вышел на берег моря и увидал, что здесь его ожидают Мелита с Маремой.

XV

Когда они свиделись, Мелита сказала Пруденцию:

— Все идет хорошо: мы теперь быстро приблизимся к цели осуществления наших желаний.

— Я не помню себя от счастья, что желания наши согласны! — воскликнул весь озарившийся счастьем Пруденций.

— Я сказала не так, — отвечала Мелита, — но все равно: то, что ты считаешь за высшее счастье, все будет зависеть от тебя самого...

— Значит, оно все равно что достигнуто. Нет еще — раньше, чем ты будешь моим мужем, ты должен исполнить три мои просьбы.

— Я готов исполнить их бесконечное множество.

— Нет, всего только три. Прежде всего я не хочу быть здесь предметом внимания для всех, ни теперь, когда ты станешь выполнять мои просьбы, ни после, когда может случиться, что я должна буду выполнить твою волю и заплатить мой долг за твое послушание моими услугами и женскою лаской.

— О, говори только скорее, что нужно! Если ты хочешь скрыться отсюда... если желаешь уйти от всех глаз...

— Да, почти что от всех... Пусть с нами будет только Марема, но чтоб не было даже вдовы Ефросины... Ее беспокойная нежность может испортить все что должно совершиться в тишине уединения и покоя.

— Хорошо! Я обещаю тебе это за мать: она так меня любит, что на все согласится, а что касается до самой возможности скрыться от всех в никому не известное и недоступное место, то я владею для этого такую возможностью, лучше которой нельзя услышать в самой затейливой сказке.

И влюбленный Пруденций сам, без расспросов Мелиты, рассказал ей о цветущем ущелье в скале, сокрытой среди других неприступных скал, где у них есть две пещеры, богатые склады запасов для жизни, ручей сладкой воды, стадо коз и хохлатые куры.

— Туда никто не может прийти, — добавил Пруденций, — кроме двух тех, которые оставили нас и живут нынче в темном царстве теней; один только я знаю небезопасный и узкий пролив, которым можно пробраться к этой скале и отыскать в ней наше ущелье. Если ты хочешь самого неприкосновенного уединения...

— С тобой и Маремой! — перебила Мелита, тихо кладя свою руку в руку Пруденция.

— О, ты меня исполняешь восторгом! Итак, если ты доверяешься мне и не боишься, проплыть на ладье узким и бурным протоком, в котором я знаю каждый камень, то стоит тебе сказать, когда ты желаешь отплыть, и — все будет готово.

— Прекрасно, — пусть это будет готово завтра, как сядет солнце. Но прежде ты возвратись сегодня домой и расскажи своей матери, на что мы решились. Я хочу знать, что она на все это согласна, и хочу поручить ей свой дом и хозяйство, так как Марема уедет со мной в ваше ущелье, и дом мой останется пуст. Потом позови завтра утром глиномята Агава и сам приходи с ним, и перенесите из дома в ладью мою кровать, и постель, — и скрины с уборами, и прочую утварь, и съестные запасы, которые здесь будут не нужны, а там

пригодятся... Я все хочу взять и увезть, чтобы это все пошло там на пользу, так как мы, может быть, проживем там очень долгое время...

Пруденций слушал все это в величайшем восторге и с совершенным вниманием, а при последних словах прижал страстно к груди руки Мелиты и прошептал одним придыханьем:

— О, я уверен, что никто никогда сие не умел пролить одним словом столько восторгов, сколько ты проливаешь их в мое сердце!

Она посмотрела на него благостным взглядом, как мать на ребенка, и тихо ему улыбнулась и отвечала:

— О мой невинный Пруденций! Не хвали меня много, мне трудно слушать твои похвалы. Будем более делать... станем спешить... не будем терять ни минуты. Я сейчас возвращусь с Маремой домой и стану спешить, чтоб уложить все мои вещи, а ты иди к матери, расскажи ей, что мы решились уехать отсюда и там, вдалеке от людей, совершить то, что должно совершиться. Скажи от меня вдове Ефросине, что дух мой полон участия к ней и к тебе и что я ничего так еще не желала, как желаю того, чтобы увидеть всех вас в том положении, к которому все вы теперь наиболее сродны.

Сказав это, Мелита встала и пошла к селению, держа одною рукою за руку Пруденция, а другою Марему, и так они дошли до того места, где тропы к домам их разделялись.

Здесь Мелита опустила руку Пруденция; еще раз сказала ему, как он должен говорить с своей матерью, и сама удалилась к себе вместе с Маремой, и действительно обе женщины вместе всю ночь провели в том, что уложили в мешки и в укладки все, что было ценного в доме Алкея. Все запасы были тоже упакованы в корзины, а из прохладных ям достали меха с вином и сыры и все это также приготовили к отправке. К рассвету все было готово, и на стене большого покоя остался висеть на острой рыбьей кости один только широкий пояс Алкея, украшенный золотою чеканкою и драгоценными камнями, да простая тростниковая дудка, в которую Мелита всунула свернутый туго в трубку папирус, на котором пред самым рассветом успела начертать несколько строк.

В этих строках было сказано: — «Я получила свободу и не хочу потерять ее снова, но меня посетило испытанье, которого я не могу избежать. Я надеюсь однако, что дух мой сохранит свою силу и что любовную страсть, которая зажглась в другом против моего желания, мне удастся смирить в нем с помощью той же грубой природы, которой он подчиняет свой дух. Если я над

всем этим восторжествую, я отыщу путь к тебе и приду к тебе, чтобы окончить свой срок на земле вместе с тобою, позабыв о себе и служа вместе с тобою другим, по велению того, чье священное слово зажгло в нас свет разума и веру в вечную жизнь нашего духа».

Когда же Мелита вложила папирус в полый тростник, она залепила концы его воском и повесила дудку на стену у драгоценного пояса и тотчас же, обернувшись, увидела, что у дверей, с перстами на устах, стояла Марема.

— Ты за мною следишь и подсматриваешь, — с тихой улыбкой сказала Мелита.

— Нет, — отвечала Марема, — я не слежу за тобою и не стану никому тебя выдавать, но я по всему замечаю, что ты задумала какую-то хитрость, которая поведет дело совсем не к тому, что ты обещаешь Пруденцию.

— А расскажи-ка мне, если ты знаешь, — что я ему обещала?

— Ты обещала, что нынешней ночью ты, он и я уедем отсюда на дикую скалу в неизвестном ущелье, в которой сокроемся надолго...

— Это все так и будет; вечерние звезды увидят нас на ладье нашей в море.

— Тогда я смущена еще больше... тогда в уме у тебя есть что-то такое, чего я уж вовсе не в силах понять, если ты мне не скажешь.

— Ах, друг мой Марема, — ты отгадала! До времени я тебе не скажу ничего и беру с тебя слово, что ты не станешь ни о чем меня более спрашивать. Это будет мне от тебя самою лучшей расплатой. Не любопытствуй, Марема, ни о чем: все, что должно случиться, — из всех посторонних одна ты только увидишь, но не здесь, не теперь и не сразу. Я ничего никому злого не мыслю, и Пруденций примет на долю свою то, что сам для себя предпочтет. Я отдаюсь в его волю... Но ты отгадала — он должен будет мне доказать, что в самом деле влечение, которое он ко мне чувствует, сильнее всего и никаким более грубым влечением заменено быть не может. В этом он должен меня убедить так, чтобы во мне не было места никакому сомнению, и ты, добрый друг мой Марема, должна мне в этом помочь, потому что это для меня имеет слишком большое значение. Не откажи мне, Марема!

— О! — отвечала с чувством Марема, — можешь ли ты во мне сомневаться, Мелита! Я так хорошо знаю твой разум и доброе сердце, что мне не нужно бороться с собою, чтобы дать тебе самые страшные клятвы послужить тебе всем, чем ты захочешь. Я знаю, что ты никому не сделаешь зла, как не делала его мне во все время, пока я была твоею рабыней. Что бы ты ни сказала,

Марема сделает все, не поддаваясь никаким своим собственным чувствам...
Клянусь...

— Довольно! — перебила Мелита, — не клянися ничем: клясться нельзя, потому что все мы во власти всемогущего бога. Я тебе верю без клятв и не скрываюсь больше, что в уме моем есть замысел, о котором до времени не хочу сказать никому и исполнить который могу только при твоей помощи.

— Верь же, что помощь моя тебе принадлежит беззаветно и...

— И довольно! довольно, Марема! — воскликнула Мелита, и бывшая госпожа и рабыня обняли друг друга и остались так на мгновение. Так их и застала тихо вошедшая к ним вдова Ефросина, за которою сзади входили Пруденций я горшечник Агав с длинными жердями, из которых должно было сделать носилки для переноса имущества Мелиты в ладью.

XVI

Вслед за этим сейчас же сделали носилки и начали переносить вещи в ладью. Дело это справляли Пруденций с Агавом-горшечником, а им помогала Марема, которая для этого часто отлучалась к лодке. В доме же оставались вдвоем вдова Ефросина с Мелитой, из которых последняя приготавливала у очага обед для работающих при нагрузке ладьи, а мать Пруденция ей помогала и в промежутках между занятиями говорила с ней о том, как она понимает затеянное Мелитою дело.

Вдове Ефросине казалось, что Мелита уезжает с ее сыном потому, что Пруденций ей мил, но она очень стыдлива и уж слишком высоко подняла свою целомудренную славу; теперь ей не хочется здесь перед всеми показать свою склонность, но там она, никем не стесняемая, отдастся любви на свободе и со всем пылом долго сдержанной страсти. И, будучи в этом убеждена, вдова Ефросина смотрела на сборы совершенно спокойно. Мелита же ей не говорила ничего положительного, но не раз просила ее сохранять это спокойствие постоянно, даже тогда, если от них очень долго не будет известий.

— Пусть их не будет хоть год! — отвечала вдова Ефросина, — я так истерзалась, видя долго мучения сына, что готова снести на себе все томления долгой безвестности, лишь бы могла быть уверена, что таких безнадежных терзаний, какие он снес, вперед он сносить уж не будет.

— На этот счет будь вполне уверена: такими терзаниями, какими томился Пруденций, он больше томиться не будет, — отвечала Мелита.

— В одном только этом я и хочу быть уверена.

— Так это и будет; но ты сказала, что готова пробыть без вестей целый год.

— Я это сказала... И что же, ежели тебе это нужно...

— Да, это именно может быть нужно...

Вдова Ефросина погрозила пальцем Мелите и сказала с улыбкою:

— Знаю...

— Что же ты знаешь?

— Через год... я, быть может, увижу прелестного внука!.. Что же, это прекрасно... Тогда и конец всем людским разговорам о твоём прежнем муже Алкее... Я тебя понимаю: такие, как ты, всегда любят сильно, но скромно. Боги вам в помощь, сожгите одни там цветы Гименею на камне, и пусть свидетельницею ваших брачных обетов будет Марема... А потом, год пройдет, я обниму вас и внука, и тогда попечемся мы и о Мареме... Добрая девушка, она стоит доброго мужа.

— И наверно найдет его, — подсказала Мелита.

— Я то же думаю. Мы на нее до сих пор все как-то глядели совсем без вниманья, а вчера, когда я с ней говорила, мне вдруг показалось, что Марема ведь очень красива.

— Еще бы, еще бы она не красива! И умна, и добра, и красива, и имеет горячее сердце... И притом, что за силы и какое здоровье!.. О, она стоит превосходного мужа, и то, что ты получила о ней хорошее мнение, приносит мне огромное счастье. Я рада, что отправляюсь отсюда в полном согласье с тобою.

И в таких-то согласных беседах у них прошел целый день; все были веселы, съели вместе вкусный обед, и перед вечером Пруденций и Марема понесли из дома к ладье последнюю ношу, а Мелита осталась с глиняным Агавом, чтобы закрыть входы, и тут-то Мелита сняла со стены широкий пояс Алкея, усыпанный камнями, и тростниковую дудку и, показав пояс Агаву, сказала:

— Способен ли ты оценить, чего может стоить эта вещь, если ее отнести в большой город и продать там, где есть богатые люди?

Агав отвечал:

— Оценить такую драгоценную вещь я не могу, но знаю, что если бы я триста лет кряду млял глину и наделал горшков целую гору, то все это не составило бы и половины цены каждого из этих светящих камней.

— Так вот же, тебе вовсе не надо триста лет мять твою глину и наделывать гору горшков: исполни одно порученье, которое я хочу тебе дать, -и этот пояс пусть будет

твоею наградой. А что в словах моих нет ни обмана, ни шуток, так бери эту вещь сию же минуту и спрячь ее у себя под одеждой. А кстати пихни вместе с нею туда эту дудку, и когда мы уедем, ты брось свою глину, — горшков ведь у всех здесь довольно в селенье.

— О, слишком довольно! — отвечал, засмеявшись, Агав, — я уж не знаю, кому продавать и то, что имею в запасе.

— Так и оставь их. Пускай жена твоя продает дома горшки тем, у кого свои перебьются, а ты пойдешь к Клазомену и там, в этом городе, отыщи подружку моих детских лет, имя которой Эрминия, и отдай ей эту дудку.

— Хорошо; а потом что я еще должен сделать?

— Только всего.

— Отыскать госпожу Эрминию и отдать ей эту дудку, и только всего?

— И только всего.

— Что же, она должна заиграть на этой дудке? Мелита улыбнулась на шутку Агава и отвечала так же шутливо:

— Дудка сама заиграет, что нужно. Впрочем, можешь сказать Эрминии, что ты меня видел, и при каких-обстоятельствах, как мы расстались. И за это возьми себе пояс и продай его, где тебе это удастся, а потом возвращайся домой и доживай свои старые годы, не терзаясь нуждою.

— Что же, в самом деле я это сделаю! Клянусь богами, я сделаю это! — воскликнул горшечник. — Я отыщу госпожу Эрминию и расскажу ей, как было все дело. Пусть-ка сна тогда заиграет об этом на дудке.

И с этим горшечник Агав спрятал пояс и дудку, и они оба с Мелитою вышли из опустевшего дома Алкея; а когда они приблизились к лодке, то уже застали, что Марема сидела на веслах, обнажив до плечей свои крепкие руки, а Пруденций, вырвавшись из долгих объятий вдовы Ефросины, распускал косой длинный парус на рее.

Мелита тоже скоро простилась с вдовой Ефросиной и спрыгнула с берега в лодку.

Марема шевельнула веслами — нагруженная ладья слегка зашуршала днищем по песку, а потом, достигши свободной волны, покачнулась, ветер надул паруса, и между отъезжавшими и остающеюся Ефросиной и Агавом вдруг удлинилось расстояние...

Переговариваться с лодки на берег стало невозможно, но зато до слуха вдовы, и Агава теперь доносилось стройное пение: это была песнь любви, которой слова и напев ее тотчас узнали и вдова и горшечник... Пели стройно два голоса, Пруденций с Маремой.

И песня их тоже стихала я замирала в пространстве, но вот, обойдя острый мыс и пологую отмель, ладья переставила парус и будто подвинулась ближе, и с нее опять на мгновение донеслись звуки пения, но совершенно иного, которого ни слова, ни напев не были знакомы вдове Ефросине. Пел один ровный и торжественный голос.

— Это голос Мелиты! — сказала вдова Ефросина.

— Да, и мне кажется тоже, — ответил Агав.

— Что же это за незнакомая песня?

— Это?... Мне кажется... Это будто похоже на гимн, который я слышал однажды, когда мы бросали со скалы на камни тех забавных людей, которые нас уверяли, будто тот не умрет, кто станет жить на земле так, как учил жить их пророк галилейский.

XVII

Во всю ночь ярко светила луна и дул благоприятный для пловцов ветер. Хорошо знавший все морские приметы, Пруденций смело и ловко правил ладьею, которая, таким образом, держала прямой путь к тому таинственному пункту, куда Пруденций увозил Мелиту и Марему для того, чтобы там, по прихоти первой из них, исполнить ее испытания и заслужить себе ее любовь.

От селения, где жили Алкей и Гифас, до скалы, где им пришлось отыскивать скрытый приют для склада своих хищений, при попутном ветре было полторы суток ходу. Путь во все время держали такой, что не теряли из вида берегов, хотя шли то ближе к земле, то отдаляясь в море там, где было много камней и плыть вблизи берегов было опасно.

Среди второй ночи пловцы достигли пролива, за которым, как лес, возвышались серые каменистые скалы, не имевшие, по-видимому, ни растительности, ни обитателей. Они сначала были меньше и начинались

камнями, которые невысоко возвышались над водой, но потом толпились и возвышались что дальше, то выше, и некоторые из этих скал казались довольно большими и сложными по очертанию.

Проход между ними был чрезвычайно опасен, и его мог предпринять только такой человек, кому путь этот хорошо известен и кто обладает большой ловкостью и силой.

Пруденций всем этим обладал в совершенстве, и обе женщины могли им любоваться, как он, почти обнаженный, стоя на корме, проводил ладью между режущих камней, то подпираясь длинным шестом, то вонзая багор в расщелины или хватаясь им за уступы. Но, наконец, были два места, где плыть казалось совсем невозможно, потому что ни упереться, ни ухватиться было не за что, а страшная быстрота крутила ладью и уносила ее на острые скалы; но тут Пруденций вдруг нырнул в воду и через одно мгновение снова выплыл наверх, держа в руках скользкий и опутанный водорослями канат. Перебирая этот канат, он ловко перетянул ладью через стремнину, которую никак бы нельзя было перейти ни под ветром, ни на веслах. Так же точно прошли и вторую стремнину, за которою недалеко была уже и самая цель мореходцев.

Тут в очень стесненной группе скал была одна такая, которая с первого взгляда ничем не отличалась от прочих, но на самом деле она имела существенную разницу по странной игре природы, устроившей в этой скале одну под другой три террасы, обращенные к полдню, и на средней из них — обширную расщелину, за которою на поляне, поросшей кустами, были две пещеры, одна внизу, а другая на значительной высоте, так что в нее можно было взойти, только приставляя длинную суковатую жердь, заменявшую лестницу, которую, по миновании надобности, опять отнимали и клали в купы зеленого диарита, где она и лежала так, что была незаметна. С той стороны, куда выходила площадка и входы обеих пещер, больше не было скал и открывалось безбрежное море. У подошвы скалы была маленькая, но очень удобная бухточка, в форме сандали. Ладья заходила в нее легко и помещалась в ней удобно и совсем незаметно.

Пруденций пристал в эту бухту и, высадив Мелиту с Маремой, повел их наверх, где были пещеры.

В нижней пещере было большое жилье, разделенное натуральными столбами скалы на несколько удобных покоев, из которых два были убраны коврами и кожами и представляли во всех отношениях здоровое и удобное помещение.

Эту нижнюю пещеру Пруденций предоставил в распоряжение Мелиты и Маремы, а сам начал жить в верхней пещере, которая была потеснее нижней

и представляла собственно разбойничий тайник, но однако и в ней был здоровый, чистый воздух и хорошая постель из циновок.

Запасов же и разной утвари в нижней пещере было накоплено столько, что пять человек смело могли продовольствоваться здесь целый год.

Мелита и Марема благодарили Пруденция за доставленное им удобство в помещении и, утомленные длинным морским переходом, тотчас же легли спать и проспали очень долго, а проснувшись, когда солнце уже высоко взошло и играло по сверкающей зыби моря, были в восхищении от свежести воздуха и обширного вида на море. А меж тем недалеко в стороне от входа в их пещеру был уже разведен огонь, возле него положена коза с полуснятою кожей и сосуд со свежей водою.

Все это, без сомнения, приготовил Пруденций.

Увидав это, женщины стали смотреть: где же находится теперь сам Пруденций, которого они желали поблагодарить за его заботы о них, но Пруденция не было видно. Тогда Мелита с Маремой принялись хозяйничать около очага, и только что сняли кожу с козы и, распластав ее мясо, стали одни части варить, а другие втыкали на прутья, чтоб жарить, как вдруг появился Пруденций. Он шел, обливаясь потом и таща на себе по круче от моря с ладьи тяжелую ношу.

— Ну, что ты за милый хозяин! — увидев его, закричала Марема.

— И я скажу то же, — поддержала Марему Мелита. Пруденций улыбался счастливой улыбкой и, опустив ношу, подошел к женщинам, чтобы сказать им утреннее приветствие.

Потом они стали обедать, а после пошли осмотреть скалу и нашли на ней, кроме двух пещер, помещенных одна над другою, и открытое пространство, покрытое зеленью, с возвышениями, по которым пощипывали травку прирученные козы. Здесь с высоты каскадом падал прозрачный ручей.

— Это прекрасное место! — восклицала Марема, резвясь как ребенок. — Я не хотела бы никогда удаляться отсюда.

При этом она наклонилась к уху Мелиты и добавила:

— Особенно в том случае, если бы я могла здесь жить не одна, а с таким человеком, который бы... мне... нравился, что ли... и которого любовь моя могла бы делать счастливым.

Мелита пожала ей руку и отвечала:

— Что же!.. Все это может случиться...

— Откуда ж!

— Не унывай: в природе возможно многое, что по взгляду кажется, трудным и даже совсем невозможным. Но Марема расхохоталась и сказала:

— Ну, я знаю, однако, одно, что совсем невозможно.

— Что же это такое?

— Невозможно, чтобы смуглая кожа Маремы могла затмить лилейную белизну чудесного тела Мелиты.

— О, если только дело за этим, то это очень возможно, и в такой возможности ты, может быть, удостоверись гораздо скорее, чем ты могла бы подумать.

А как эта перемолвка произошла между женщинами с уха на ухо, то она не могла не возбудить любопытство в Пруденций, что Мелита тотчас же заметила и сказала ему:

— Не удивляюсь, я, добрый Пруденций, что тебе интересно, о чем мы между собою рассуждаем с Маремой, и думаю, что тебе будет еще любопытнее, когда ты узнаешь, что все, о чем мы говорили, касается до тебя. Скажи нам, каково твое мнение: хотел ли бы ты, чтобы целую жизнь остаться на этой скале, и как бы ты хотел проводить свою жизнь?

Пруденций ответил, что он считал бы за самое лучшее счастье остаться здесь навсегда с тою женщиной, которую любит, и желал бы проводить жизнь только в том, чтобы наслаждаться ее любовью, забыв обо всем остальном на свете.

Мелита улыбнулась и сказала ему:

— У меня и Маремы несхожие мнения, и то, которое ты теперь высказал, ближе всего ко мненью Маремы, а со мною совсем несогласно.

Пруденций вместе с Маремою стали просить ее, чтобы она сказала им свое мнение, а она им отвечала:

— Здешнее место прекрасно, но такая любовь, которая отделяет двух человек от всех прочих людей и погружает их в одни наслаждения друг другом, мне совершенно противна. Я даже вовсе не понимаю: какое в такой любви может быть счастье? Я думаю, что это совсем не стоит имени любви, — что это совсем что-то другое, на чем невозможно воспитать дух свой и прожить жизнь в мире с своей совестью. Я бы хотела, чтобы с нами здесь были другие и чтобы

все мы могли быть друг другу полезны; я думаю, в этом должен быть смысл человеческой жизни, а не в том, чего могут достичь и низшие твари, не владеющие человеческим рассудком.

И между ними начался разговор, в котором они все трое, сидя над морем в зелени диаритов, приняли оживленное участие и незаметно трое разделились на два мнения: Мелита оставалась при своем, развивая мысль о необходимости общей любви ко всем людям, при которой нельзя отрешаться от общения с другими, а Марема и Пруденций, увлекаясь идеями личного счастья, уходили в этом настроении все дальше и дошли, наконец, до того, что сказали, что нет и не может быть высшей любви, как та, которая довольна своим избранным предметом — одним им согрета и занята и до других ни до кого нет ей дела.

Когда разговор дошел до этого, Мелита улыбнулась, не стала более спорить, а шутливо свела руку Пруденция с рукою Маремы и сказала им:

— Я очень рада, что вы друг с другом согласны. Пруденций и Марема этим смутились, и в один из последовавших затем дней, когда Марема помогала Пруденцию разгружать внизу лодку, а он возносил тяжести наверх к пещерам, у которых Мелита готовила на очаге обед, Пруденций, опустив на землю ношу, промолвил Мелите:

— Я до сих пор все не перестаю думать о бывшем у нас в первый день разговоре... Он как будто отстраняет меня от тебя, к которой влечет меня сердце и от одного приближенья к которой вся кровь во мне пылает, как пламя.

— Кровь!.. Ты все о крови, Пруденций. Бунтование крови проходит... Гораздо надежнее то, что может жить вечно я не остынет от времени.

— Что же это, Мелита?

— Сродство нашего духа... согласие в желаниях, одинаковость окончательной цели!

Но Пруденций покачал головой и сказал с укоризной:

— Мелита! Мелита! что тебе за охота говорить все такие мудреные вещи! Не будет ли проще, если нас свяжет не дух, а то, чем обыкновенно мужчину и женщину соединяет природа?

— Нет, — отвечала Мелита, — это слишком уж просто.

— О, доверимся ей... Отдайся, Мелита, всесильной природе, она никогда не обманет.

— Нет, она-то скорее всего и обманет.

— Природа обманет?

— Ну да!

— Никогда.

— Ну, не станем перекидывать наши слова без средств доказать их. Ты помнишь, конечно, наш уговор: «три дня испытания».

— Без сомнения, помню и заранее торжествую победу любви моей над упрямством капризной Мелиты.

— Прекрасно! Но воздержись — не спеши с торжеством. Я у тебя не отнимаю надежды, но впереди будут три дня испытания... Три только дня!.. Но зато в эти три дня ты должен мне повиноваться во всем.

— Очень рад... только, однако, когда же начнешь ты свои испытания?.. Я желаю, чтобы это было скорее.

— Сейчас, если хочешь.

— Я замираю в восторге.

— Прекрасно: теперь вечерет, а через три дня в эту же пору я буду твоею женою... или...

— Кончай же!

— Или я ею не буду.

— В каком же то случае?

— В том случае, если ты сам от меня не откажешься и что-нибудь предпочтешь моим ласкам.

— О, сделай милость! Это одно, чего я никогда для тебя не сделаю, хотя бы на меня восстали все демоны ада и все «силы природы».

— Ну вот уж: «все силы природы!» Зачем такой смелый вызов! Быть может, и одной «силы природы» будет довольно.

— Начинай испытанье! Говори, что я сейчас должен делать.

— Во-первых, ты от меня удалишься сию же минуту в свое помещение в верхней пещере.

— Ну! и что мне там делать?

— Пока ничего.

— Как это пока?

— Пока тебе станет хотеться думать более о самом себе, чем обо мне.

— Ну, оставь это!.. Никогда этого не будет.

— Входи же в пещеру.

— Ну, хорошо, — я всхожу.

Пруденций стал подниматься по лестнице и, достигнув до входа в свою верхнюю пещеру, обернулся и с веселою улыбкою вскрикнул:

— Эвое! Я уже начал мое испытание и на один миг стал ближе к обладанию Мелитой.

— Обладай же сначала собою, — отвечала Мелита, отнимая лестницу и спуская ее по откосу на вторую площадку.

— Я заперт! — смеялся Пруденций.

— Теперь жди, пока я тебя позову, стоя в ожиданье тебя у брачного ложа.

И с этим Мелита скрылась в своей нижней пещере.

XVIII

Вскоре после того, как скрылась Мелита, по тропинке от моря стала подниматься Марема. Пруденций издали ее заметил и стал говорить ей:

— Ах, — порадуйся за меня, Марема! Мелита уже начала мое испытание, и через три дня она должна будет сдержать свое слово — она сделается моею женою.

— Это славная вещь! А в чем же будет состоять твое испытание?

— А вот в точности я этого до сих пор не знаю, право; до сих пор она мне ничего не сказала, кроме того, чтобы я думал о ней и ожидал терпеливо какого-то ее слова; а уж какое это будет слово — не знаю.

«Что за затеи у этой Мелиты?» — подумала, покачав головою, Марема и, войдя в пещеру, тотчас же хотела расспросить Мелиту: что далее будет? Но Мелита лежала, закрывши глаза, и спала, или притворилась спящей, и Марема будить ее не решилась; а когда она снова вышла, чтобы взять несколько хвойных веток и выкурить их дымом насекомых, она увидела, что Пруденций стоял наверху во входе своей пещеры и на него светила луна, а он улыбался и сказал ей:

— Скажи привет мой Мелите, Марема.

А Мареме не хотелось ему отвечать, — так ей сделалось его жалко и грустно видеть его, как птицу в клетке.

До полуночи Марема не могла сомкнуть глаз, а за полночь она слышала, как Мелита вышла и возвратилась не скоро, а когда возвратилась, то прежде, чем лечь, подошла и нагнулась над изголовьем Маремы и, увидав, что Марема не спит, откинулась вновь и сказала сурово и твердо:

— Ни во что не мешайся и ни о чем меня не спрашивай... Поверь мне, что я не жестокая женщина и не хочу ничьих напрасных мучений, а я делаю то, что нужно для нашего общего счастья. Умоляю тебя: верь мне, как верила, и ни о чем не спрашивай больше.

— Пусть будет так, как ты хочешь.

И едва забрезжился свет, Мелита разбудила Марему и позвала ее вместе с нею идти, чтобы докончить выгрузку лодки; а когда они туда сошли, то Марема увидела, что Мелита одна здесь работала ночью, а теперь они взялись за дело вдвоем и трудились так безотступно, что к вечеру все, что привезено было в лодке, было втащено на берег, и облегченная ладья поднялась и закачалась в своей маленькой бухте.

Во весь день Мелита с Маремою не возвращались в пещеру, и когда стало темнеть, они еще оставались у моря. Марема не раз порывалась уйти, но Мелита ее удерживала, и они стали подниматься наверх только тогда, когда луна утонула за скалы и вокруг сделалось темно.

Тогда они тихо проникли в свою пещеру, не замеченные Пруденцием, и не зажигали огня, чтобы выгонять насекомых, а улеглись каждая на своем месте впотьмах...

И Мелита, казалось, сейчас же заснула, но Марема начала что-то искать, и потом стала есть, и, сделавши несколько глотков, вдруг вскрикнула, как бы приняла что-то пронзительное или острое.

Тогда оказалось, что и Мелита не спала, потому что она живо вскочила и спросила в испуге:

— Что с тобою случилось?

Марема сразу ничего не отвечала, но когда Мелита повторила вопрос, та ей ответила как бы из какого-то отдаленья:

— Со мной ничего не случилось... но я не хочу более есть, потому... что... я все теперь поняла... Пруденций без пищи!..

Мелита ей не отвечала ни слова.

Ночь прошла беспокойно, в прерывистых грезах. Общим женщинам казалось, как будто они видят Пруденция и слышат его шаги, и вот он весь исхудал, глаза его округлились... он глядит беспокойно... Мелита! Мелита! скорей задавай ему дело!

А оно уже было задано.

Утром на третьи сутки Мелита вовсе не вышла. Из пещеры показалась одна только Марема, и Пруденций сторожил ее появление.

— Здравствуй! Здравствуй, Марема! — закричал он ей пострадавшим, но еще веселым голосом. Прошли уже две ночи и день, как я ожидаю здесь своего заслуженного права прижать к моему верному сердцу милую Мелиту. Теперь уже недолго осталось мне ждать, но зачем она медлит, — зачем до сих пор мне не скажет: в чем я должен выдержать мое испытание. Или ты, может быть, с тем теперь вышла, чтобы сказать мне, что я должен сделать? Говори же скорее: я утомился здесь ожидать приказанья Мелиты...

— Мелита мне ничего не сказала, — отвечала Марема, стараясь не глядеть на Пруденция, который при самом беглом взгляде на него показался ей изнуренным и страшным.

— Куда же идешь ты?

— Я иду... чтобы поймать удою рыбу и поискать в расщелинах птичьих яиц... Завтра ведь к вечеру Мелита готовит свадебный пир...

— Ах, она уж готовит! Прекрасно, прекрасно... Иди же скорей, лови рыбу... и яйца есть по утесам... А Мелита, верно, выйдет сама и скажет мне, что должен я сделать... Мне, кстати, очень хочется есть.

— Я ворочусь и скажу ей, что ты хочешь есть.

— Нет, не надо, Марема. Я ей дал слово, что не буду ее ни о чем просить, пока она меня кликнет... Уходи, куда ты идешь... мне нужно терпенье.

И Марема ушла, а Пруденций остался один и снова весь целый день протомился в затворе; он то поджидал Мелиту, то ее кликал, но все это было напрасно — Мелита не показалась ему ни на мгновение ока. Она целый день безустанно разбирала все перенесенные с ладьи вещи и с таким вкусом убрала пещеру, что ее можно было принять за очень благоустроенное жилище человека со вкусом. В переднем, большом помещении был накрыт большой стол, уставленный множеством дорогой и прекрасной посуды, а вдали за столбом, обвитым цветными тканями, возвышалось пышно убранное ложе под голубую завесой и с лампами у изголовья.

Все это требовало много искусства и вкуса, и трудно было произвести такое превращение в один день; но Мелита не жалела труда, и он один, вероятно, помог ей не слышать жалобных стонов Пруденция, который с полудня уже утратил терпение и звал Мелиту, крича ей, что он чувствует мучительный голод.

— Мелита! — кричал он, — Мелита! для чего ты забываешь, что я человек и что голод желудка дает знать о себе беспрестанно... Говори мне скорее, какое я тебе должен дать доказательство, что я ни с чем не сравню твою любовь... или я здесь умру от голода.

Но Мелита все убирала покои и не пришла к нему на его зов, и Пруденций так протомился до вечера, когда увидел возвращающуюся Марему и закричал ей:

— Мои мучения превзошли уже всякую меру...

— Ты старайся не думать...

— Ах, не могу! не могу я не думать — голод жесточе всевозможных мучений... Я боюсь, что я не доживу до утра...

— Старайся уснуть... пусть во сне тебе снится Мелита.

— Ах, я уже пробовал спать... и во сне то же самое снится... Есть хочу, есть хочу! Страшно, Марема, мне, страшно! У тебя там где-нибудь, верно, есть птичьи яйца — брось мне одно из них, я умираю.

— Не смею, — отвечала Марема и скоро скользнула в пещеру, которая была освещена многими огнями и поразила Марему своим неожиданным великолепием.

— Что это будет? — спросила Марема.

— Завтра здесь будет свадебный пир, — отвечала Мелита.

— Свадебный пир!.. О Мелита! остерегись, чтобы это не был похоронный обед.

И, сказав это, Марема присела и, опустив руки и голову, зарыдала.

— О чем ты так плачешь? — спросила Мелита.

— Я сейчас видела Пруденция и слышала его стоны... Его мучает голод, и он умирает.

— Но ведь его раньше мучил еще иной голод...

— Нет, голод желудка страшнее всякого другого томленья.

— Полно, Марема. Ведь и я тоже не ем. Марема достала из-за туники яйцо морской птицы и сказала:

— Я целый день провела безуспешно и насилу достала всего два яйца. Одно, — признаюсь тебе, — съела сырое, и оно мне от голода показалось вкусно. Съешь ты это другое. Его просил у меня Пруденций, но я не дала ему.

— И мне оно тоже не нужно: я терплю то же, что терпит Пруденций! — и с этим словом Мелита взяла из рук Маремы яйцо и бросила его об пол.

— Здесь есть много съестного, — добавила она, — но я ничего не касалась. Я по себе размеряю, что он может снести без вреда для его жизни. Ляг и усни, а завтра с утра станем готовить обед, и ввечеру разрешится все, что так долго и мучительно длилось.

XIX

И вот прошла ужасная ночь, которая всем показалась долга бесконечно и всех истомила. Настало тяжелое утро. Обе женщины рано проснулись, и Марема тотчас же выбежала, чтобы взглянуть на Пруденция. Юноша изменился в эту последнюю ночь сильнее, чем во все протекшее время: лицо его сделалось серое и маленькое, оба глаза ввалились и казались совершенно круглыми, а губы почернели, и из-за них виднелись два ряда белых зубов, как будто ослабнувших в деснах, и воспаленный язык и гортань... Голод его догрызал, — Пруденций уже не имел сил и стонать; он сидел, прислонясь ко входу, и тихо качался, придавливая исхудалыми руками опустошенный живот.

Напрасно Марема хотела его утешить и говорила ему о близости счастья в обладанье Мелитою, — Пруденций не отвечал ей ни слова.

Когда же Марема сказала об этом Мелите, та отвечала:

— Это так должно быть! Когда зло не хотят победить рассудком, то оно побеждается страданиями. Но не будем говорить об этом, а давай скорее готовить все лучшие кушанья, какие умеем.

И они отобрали из всех запасов все, что было лучшего, и стали готовить все блюда, какие умели. Это требовало немало трудов, и приготовления еще не были совсем кончены, когда солнце стало спускаться за скалы. Тогда Мелита сказала Мареме:

— Оставим на время мяса и плоды — пусть хорошенько томятся на углях, а мы пойдем под ручей — омоемся свежей струей воды и оденем лучшие наши одежды.

Марема пошла с нею и удивилась, что когда они вышли из-под обливанья, то Мелита открыла принесенную скляницу драгоценных духов и неожиданно вылила всю ее поровну на свои волосы и на волосы Маремы, и при этом сказала:

— Я хочу сделать так, чтобы мы обе имели вид невест. И затем, возвратившись в пещеру, Мелита стала спешить уборкой стола — расставила кувшины с разноцветным вином; разложила фрукты на листьях, и подливы к мясам, и загородки из теста в глиняных блюдах; а потом засветила огни, открыла постель и стала между ней и столом, одетая в самые пышные платья, а Мареме сказала:

— Приставь скорей лестницу и поди и скажи Пруденцию, что я его приглашаю сойти.

Марема исполнила это в одно мгновение, но когда она вошла в верхнюю пещеру к Пруденцию, то увидала его в ужасном изнурении — он уже не сидел, а лежал и на вопросы мог отвечать очень не скоро и очень невнятно. Он только тихо махал рукою и давал чувствовать, что для него ничто не важно, кроме голода, которым он истомился.

Долгоожидаемое приглашение Мелиты нимало его не оживило и не обрадовало.

— Ведь это настал час твоей радости! — говорила ему Марема, но он только отмахнулся рукою и, обратясь в сторону, прошептал:

— Куда... же... ты дела... яйцо... морской чайки?

— Что тебе теперь до яйца чайки... тебя ожидает роскошный стол и... еще больше роскошные ласки Мелиты!.. Встань скорее на ноги — я помогу тебе сойти с лестницы.

Он стал подниматься, но закачался, упал и сказал:

— Я не в силах.

Тогда живая Марема схватила Пруденция, как дитя, на свои сильные руки, снесла его с лестницы, опустила на землю и, дав ему оправиться, подвела его под руки ко входу в освещенную пещеру, где в сиянье огней стояла блестящая красотой и убором Мелита. Она встретила Пруденция с ласковой улыбкой и сказала ему ласковым голосом:

— Привет мой тебе, господин мой Пруденций! Входи и будь здесь властелином всего, что ты видишь. Ты перенес испытанье, и зато я даю тебе надо мною всякое право... Пир изготовлен... последние блюда скоро поспеют на тихом огне, и брачное ложе готово... и я жду моего господина!

— При этом Мелита протянула обе руки к Пруденцию, но он отвернулся от нее и, поведя вокруг как бы утратившими зоркость глазами, нетерпеливо воскликнул:

— Подожди!.. и скажи мне: где же это яйцо дикой птицы?

— Я разбила его, — отвечала Мелита. — Поди отдохни, господин мой, на ложе... Ведь я сама его стлала для тебя, моего господина... А после ты будешь есть самые вкусные кушанья.

— Ах, это все пустяки!.. Подавай мне сейчас все, что там кипит или печется!

— Кушанье все еще не готово.

— А это же что здесь такое дымится в глиняном блюде?

— Это подлива к бобам и загородки из теста для разваренного мяса...

— Вот я и съем сейчас всю эту подливу и все загородки из теста...

И он потянул к себе блюдо с подливой и начал лакать ее и грызть загородки, не обращая никакого внимания на Мелиту, которая этим временем все удалялась тихо назад и, наконец, вовсе исчезла, так что с этой поры Пруденций и Марема напрасно искали ее на утесе. С нею вместе ушла и ладья, которая была спрятана в бухте, и теперь Пруденций с Маремой были отрезаны от всего остального мира.

Они напрасно обегали со всех сторон скалу и искали Мелиту, — она, без сомнения, оставила их и скрылась, а они остались вдвоем и не видели никого третьего до тех пор, пока возле Маремы сразу раздались два голоса двух новорожденных ею близнецов... В этот день Пруденций, сошедший вниз с свертком белья, которое он должен был вымыть для своих двух близнецов и для Маремы, — заметил на море точку, которая как будто переменила свое место... А еще через несколько дней Пруденций увидал, что на глине скалы над самою бухтою было начертано чем-то острым: «Мелита приветствует Пруденция и Марему с детьми их и желает им согласия и добродетельной жизни». Еще же через месяц Пруденций увидел ладью еще ближе и видел, что на ней были две женщины и что к ней из-за скал подошла другая ладья и на эту перешла одна из двух женщин, и теперь та лодка, на которой сидели две женщины, стала удаляться, а та, на которой осталась одна, — приближалась к утесу.

Пруденций скоро узнал по окраске, что эта лодка его и Алкея, которая исчезла с той ночи, как удалилась Мелита... Пруденций сказал об этом Мареме, которая сидела тут же, возле него, на берегу моря и держала на каждом из своих колен по здоровому смуглому ребенку, из которых каждый завладел одной грудью своей матери и так жадно сосал, что молоко выбегало у него обратно из уст и крупными белыми каплями скользило по смуглой груди Маремы... Но Марема теперь этого не замечала, потому что она следила за лодкой, и вдруг вскричала:

— Радуйся, милый Пруденций!.. К нам приближается мать твоя, вдова Ефросина... Мы не останемся одни здесь, и наши дети не будут жить дикарями.

— Да, — отвечал ей Пруденций, — и я теперь вижу:

это мать моя, вдова Ефросина!.. Кто передал ей нашу ладью и кто указал ей путь к нам?

— Конечно, Мелита. Это она удалилась на другой ладье с своим другом Эрминией... Они христианки.

Пруденций задумался и, следя за приближением лодки, которою, несмотря на свои годы, хорошо еще правила вдова Ефросина, сказал, склоняясь к Мареме:

— Вот все, кто страстно любит наслаждения жизни, всегда рассуждают, что будто галилейское учение не годится для жизни... А припомни-ка все, что было с нами, и выйдет, что вперед дальше всех видела одна Мелита. Я перед нею так малодушен, что не мог бы идти с нею рядом. Как хорошо, что она не

связала себя узами брака с таким посредственным человеком, как я!.. При разности взглядов и мыслей мы не нашли бы в союзе согласия и мира, а с тобой мы счастливы... Ее дух слишком высок и серьезен — он слишком беспощадно побеждает плоть. Ты же и я... мы смотрим проще... Я не знаю, как это случилось, как я все любил так сильно Мелиту, и теперь вижу, что она несродна мне, а ты мне гораздо милее Мелиты... Я хотел скрываться здесь вечно с Мелитой, — потом мне так хорошо было здесь же с тобой, и теперь... я однако же радуюсь, что мать моя нас разыскала и мы не останемся в вечной разлуке с людьми... Весь круг мыслей во мне перешел, — все переделалось с нами именно так, как говорила Мелита. Верно, надо ей верить во всем.

— Да, она умная женщина.

— Надо считать дух, а не плоть владыкою жизни и жить не для тех чувств, которые научают нас особиться от всех прочих людей...

— Правда, Пруденций.

— Пусть так и будет, и когда мы уклонимся от этого... пусть мы сами не будем на своей стороне. Если мы погрешим, то не станем извинять себя и делать себе пояса из листьев, потому что прятаться — это хуже чем несть порицание, которого заслуживаешь.

— Я согласна, — отвечала Марема.

— Да, всегда мы с тобою согласны! Какое это счастье для обоих нас!..

— И для наших обоих детей, — показала Марема на близнят, которых уж издали увидела бабушка их, вдова Ефросвна, и начала улыбаться всем и в конце, бросив весло, закричала:

— Вот так ребята! Этаких я еще не встречала.